ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

АЛИСА

в Зазеркалье

ИЛЛЮСТРАЦИИ Л. МАРАЙЯ

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

АЛИСА в Зазеркалье

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛИБИКО МАРАЙЯ

#эксмодетство
Москва
2018

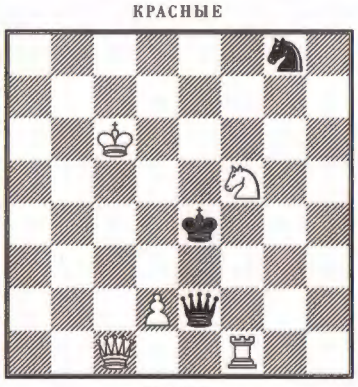
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(расположение перед началом игры)

БЕЛЫЕ

Фигуры:
Твидлди, Единорог, Овца, Белая Королева, Белый Король, Старичок, Белый Рыцарь, Твидлдум

Пешки:
Маргаритка, Саймар, Устрица, Лилия, Оленёнок, Устрица, Гатто, Маргаритка



КРАСНЫЕ

Фигуры:
Болванчик, Плотник, Тюлень, Красная Королева, Красный Король, Ворон, Красный Рыцарь, Лев

Пешки:
Маргаритка, Гонец, Устрица, Тигровая Лилия, Роза, Устрица, Лягушка, Маргаритка

Белая Пешка (Алиса) начинает и выигрывает в одиннадцать ходов.

1. Алиса встречает Красную Королеву.	1. Красная Королева идёт на h4.
2. Алиса через d3 (на поезде) попадает на d4 (Твидлди и Твидлдум).	2. Белая Королева бежит на c4 (за шалью).
3. Алиса встречает Белую Королеву (с шалью).	3. Белая Королева идет на c5 (превращается в овцу).
4. Алиса идёт на d5 (лавка, река, лавка).	4. Белая Королева переходит на f8 (оставляет яйцо на полке).
5. Алиса идёт на d6 (Болванчик).	5. Белая Королева убегает на c8 (от Коня).
6. Алиса идёт на d7 (лес).	6. Красный Конь на e7 (шах).
7. Белый Конь берёт Коня.	7. Белый Конь на f5.
8. Алиса идёт на d8 (коронация).	8. Красная Королева переходит на e8 (экзамен).
9. Алиса становится Королевой.	9. Королевы «рокируются».
10. Алиса «рокируется» (пир).	10. Белая Королева на a6 (суп).
11. Алиса берёт Красную Королеву и выигрывает.	

Моё дитя с безоблачным челом,
В твоих глазах — мечта и ожиданье...
Проходит жизнь: мы врозь с тобой живём,
Нам никогда не суждено свиданье.
Но всё ж с улыбкой дар мой примешь ты:
Волшебной сказки лёгкие мечты.

Не для меня твой серебристый смех,
Твоей улыбки солнечной сиянье,
Не обо мне среди любимых всех
В грядущих днях твоё воспоминанье.
Довольно мне, что нынче ловишь ты
Волшебной сказки лёгкие мечты.

Ту сказку я сложил в былые дни,
Как лепестки цветов её я бросил.
В июльский вечер на реке в тени
Её сложил я в лад ударам вёсел.
Я слышу плеск их... вижу тот закат,
Хоть годы мне давно забыть велят.

Но слушай же!.. Пока суровый зов
Последней вести с горькою тоскою
Не оторвёт от солнца и цветов
Печальную тебя, позвав к покою,
Мы — вечно дети: мысль для нас страшна,
Что наконец настанет время сна.

Там, за окном, мороз трещит сильней
И плачет стон безумной вьюги снежной.
Здесь — в камельке горячий жар углей
И детский мир, уютно безмятежный.
Отдавшись сказке яркой и живой,
Ты не услышишь бури страшный вой.

Пусть лёгкий вздох в той сказке иногда
И задрожит неуловимо где-то,
О «летних днях, ушедших без следа»,
О красоте исчезнувшего лета:
Он не смутит дыханьем темноты
Волшебной сказки лёгкие мечты.

Дом в зеркале

Одно уж точно верно: белый котёнок тут ни при чём. Это была всецело вина котёнка чёрного, потому что все последние пятнадцать минут белый котёнок был занят: старая кошка умывала ему мордочку — и, надо сказать, он вёл себя при этом довольно хорошо. Так что сами видите: белый котёнок никак не мог быть замешан в этом преступлении.

Дина умывала своих котят так: сначала хватала бедняжку одной лапой за ухо, придерживая голову, а другой лапой принималась растирать мордочку, да ещё против шёрстки, от носа вверх. Как раз сейчас она занималась белым котёнком, который, на удивление, лежал смирно и даже будто мурлыкал. Конечно, он чувствовал, что всё это делается для его же блага.

Но туалет чёрного котёнка закончился раньше, и когда Алиса, свернувшись калачиком в большом кресле, то ли разговаривала сама с собой, то ли дремала, он затеял игру с мотком шерсти, который был у неё в руках. Чёрный катал его взад-вперёд по комнате, пока нитки не размотались. Теперь они кучей лежали на коврике перед камином — целое море шерсти, а посреди этого безобразия котёнок как ни в чём не бывало гонялся за собственным хвостом.

— Ах ты, гадкая, гадкая киска! — воскликнула Алиса и, схватив безобразника, поцеловала, чтобы он понял, что на него сердятся. — Право, Дине не мешало бы научить тебя вести себя приличнее. Ты должна это сделать, Дина. Да ты и сама это знаешь. — Алиса с упрёком поглядела на старую кошку, говоря нарочито сердитым голосом, какой только сумела изобразить.

Потом она опять взобралась в кресло, взяв с собой котёнка и моток, и начала наматывать шерсть на бумажку, но дело шло медленно, потому что она всё время разговаривала то с котёнком, то сама с собой. Китти же солидно сидела у неё на коленях и усиленно притворялась, будто ей страшно интересно наблюдать, как наматывается нить. Иногда она даже протягивала лапку и дотрагивалась до клубка, словно хотела показать, что с удовольствием помогала бы Алисе, но не знает как.

— Ты знаешь, что будет завтра, Китти? — начала Алиса. — Наверняка догадалась бы, если бы сидела со мной на окошке. Только ведь Дина умывала тебя в это время... Я видела, как мальчики таскали хворост для

костра, а ведь его нужно очень много. Вот собирали они его, собирали, пока не стало очень холодно и не пошёл такой снег, что им пришлось бросить. Но ничего: думаю, завтра мы всё же увидим костёр.

Тут Алиса трижды обернула шерстяной ниткой шею котёнка — просто посмотреть, хорошо ли ему, — но это привело к маленькой неприятности: клубок скатился на пол, и несколько метров шерсти опять распустилось.

Когда шерсть была вновь смотана и они опять уселись со всеми удобствами в кресле, Алиса недовольно сказала:

— Я очень рассердилась на тебя, так что чуть было не открыла окно и не вышвырнула на снег. И ты этого вполне заслужила — такая гадкая и скверная. Ну, что скажешь? Молчишь? Тогда я сама перечислю все твои прегрешения. Итак, первое: ты сегодня дважды завизжала, когда Дина тебя мыла. И не отрицай — я сама слышала. Что-что? Она попала тебе лапой в глаз? Всё равно, вина в этом твоя: зачем держала глаза открытыми, когда тебя умывали? Пожалуйста, не возражай, а просто слушай меня. Второе: ты схватила Снежинку за хвост в тот момент, когда я поставила перед ней блюдечко с молоком. Ах, тебе вдруг захотелось пить? Подумать только — прямо именно тогда захотелось! А Снежинке что же, не хотелось?

Китти казалась пристыженной, и Алиса продолжила перечислять её прегрешения:

— Ну-с, теперь третье: стоило мне на минуту отвлечься, ты размотала весь клубок. Вот три проступка, за которые ты будешь наказана, и не далее как в следующую пятницу, то есть через неделю... Я вот подумала... а что, если бы папа и мама тоже собирали все мои проступки, например на конец года? Им бы, наверное, пришлось отправить меня в тюрьму в день расчёта. Или вот если бы в качестве наказания оставляли без обеда... Значит, в тот злосчастный день в конце года мне пришлось бы остаться сразу без, к примеру, пятидесяти обедов? Ну что же.

Я бы не очень огорчилась. Лучше остаться без пятидесяти обедов, чем съесть их за один раз.

Кити никак не реагировала на размышления своей хозяйки, и Алиса слегка её потормошила.

— Слышишь, как снег стучит по стеклу? И так тихо. Всё вокруг будто спит: и деревья и поля, — плотно укутанное белым покрывалом. И так до весны. Как только снег растает, побегут ручейки, они оденутся во всё зелёное, будто кружевное, и будут танцевать, когда подует ветер. Ах, как это красиво!

И Алиса опять уронила моток, потому что ей понадобилось всплеснуть на этом месте руками.

Пока нитка наматывалась в клубок, мысли девочки приняли совершенно иное направление.

— А вот скажи, Китти, ты умеешь играть в шахматы? И пожалуйста, не смейся: я ведь спрашиваю вполне серьёзно. Мне показалось, когда мы недавно играли, что ты смотрела так, будто всё понимаешь, а ещё при слове «шах» ты замурлыкала. Это был чудный шах, Китти, и я, право, могла выиграть, если бы не этот противный конь, который врезался вдруг откуда ни возьмись в мои фигуры. Китти, душечка, давай играть, как будто...

Мне бы очень хотелось поведать вам хотя бы половину размышлений и умозаключений Алисы, которые начинались с её любимых слов: «Давай играть, как будто...»

Вот, например, не далее как вчера они с сестрой поспорили из-за того, что Алиса сказала: «Давай играть, как будто мы короли и королевы». Сестра, которая любит во всём точность, стала доказывать, что невозможно быть королями и королевами, потому что их всего двое, и Алисе в конце концов пришлось согласиться: «Ладно, ты будешь королевой, а я зато всем остальным». А ещё Алиса однажды испугала до смерти свою старую няню, закричав ей прямо в ухо: «Давай играть, как будто я голодная гиена, а ты — кость».

Но это так, отвлечение. Вернёмся к Алисе и её воспитательным речам перед Китти.

— Мне вот что пришло в голову. Давай играть, как будто ты Красная Королева. Если бы ты села и сложила вот так лапки, то была бы совсем как Красная Королева. Ну-ка попробуй, душечка!

И Алиса сняла со стола Красную Королеву и поставила перед Китти в качестве образца. Однако из этого ничего не вышло, главным образом потому, как решила Алиса, что упрямица не желала складывать как следует лапки. Решив пожурить, девочка подняла её и приблизила мордочкой к зеркалу.

— Если ты не сделаешься хорошей кошечкой, просуну тебя насквозь — в дом с той стороны зеркала. Как тебе это понравится?

Китти опять, конечно же, промолчала, а Алиса между тем продолжила:

— Хочешь, расскажу, что я думаю насчёт дома там, за зеркалом? Во-первых, там есть комната, как наша гостиная,

только вещи в ней стоят иначе. Мне она хорошо видна, если встать на стул, вся, кроме небольшого кусочка за камином. А я так хотела бы увидеть именно это местечко. Мне почему-то кажется, что там находится что-то очень интересное. А ещё я хотела бы знать, зажигают ли они зимой огонь. Этого никак не узнаешь, потому что едва начинает дымить камин у нас, становится ничего не видно, хотя кажется, что и там топят. Но, может, они нарочно делают так, чтобы мы думали, что и у них топится. Книги у них такие же, как у нас, только все слова наоборот. Я знаю, потому что держала книгу перед зеркалом, а кто-то там тоже поднёс книгу к месту, где я стояла.

Кошка молча внимала речам девочки, и Алиса продолжила свой монолог:

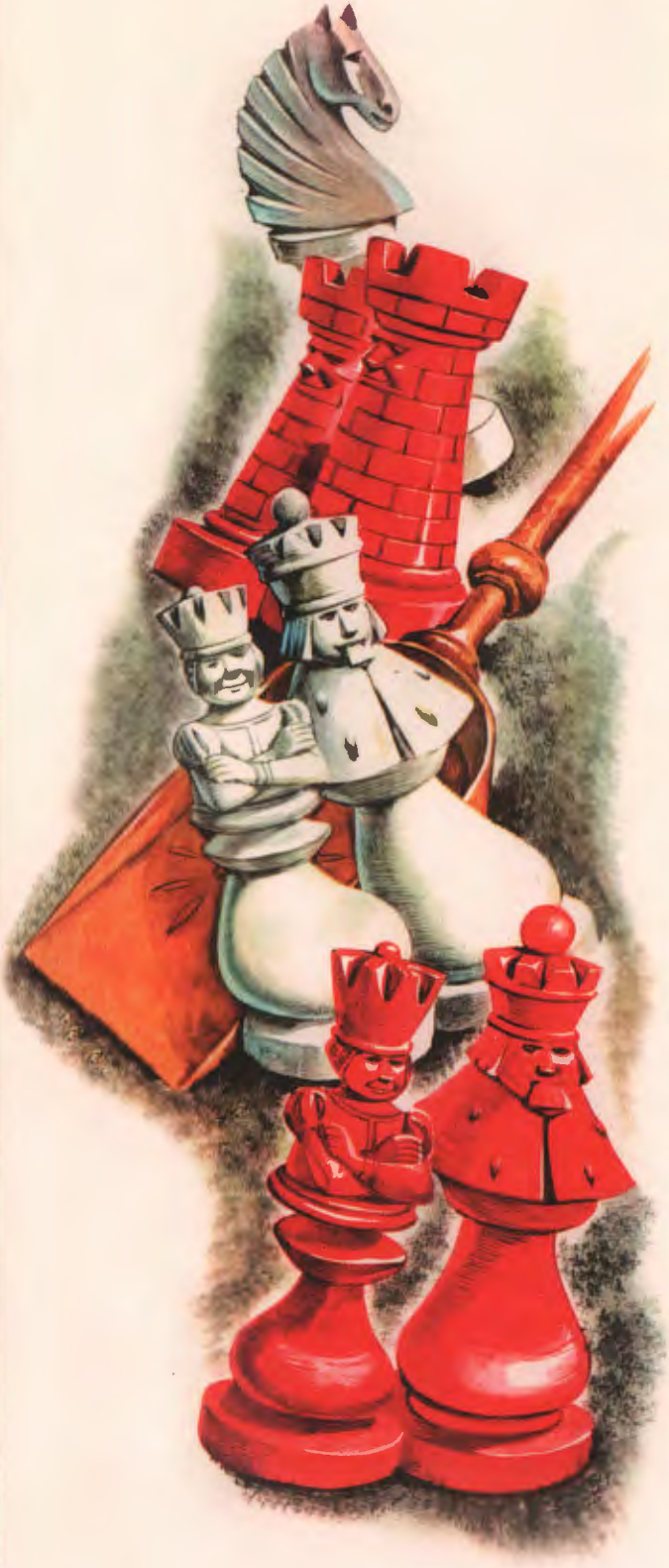
— Ты хотела бы жить в доме за зеркалом, Китти? Вот уж не знаю, есть ли у них там молоко, а если и есть, вкусное ли? Ладно, это я отвлеклась. Расскажу про их коридор. Его можно увидеть, если широко распахнуть дверь нашей гостиной. Он совсем как наш, но только виден не весь, так что, может быть, дальше он совсем другой. Ах, Китти, как было бы хорошо, сумей мы пройти в дом за зеркалом! Я уверена, что там много интересного. Давай играть, как будто туда есть проход, как будто стекло стало вдруг мягким как кисея, так что мы можем пройти насквозь. Смотри, оно уже начало превращаться во что-то вроде тумана. Честное слово! Нам будет довольно легко пройти сквозь него.

Алиса каким-то образом очутилась на каминной полке, совершенно не сознавая, как это могло получиться. А стекло действительно начало плавиться и таять, как серебристый туман в лучах солнца.

Ещё через минуту Алиса поняла, что находится по ту сторону зеркала, и легко спрыгнула с полки на пол. Первым делом она, конечно же, проверила, топится ли камин, и с огромным удовольствием увидела, что топится, да ещё

как: пламя в нём такое же яркое, как в камине их гостиной. «Как здорово! Здесь будет так же тепло, как дома, — подумала Алиса. — Даже ещё теплее, потому что никто не станет прогонять меня от каминной решётки. Вот смеху-то будет, когда сестрица увидит меня здесь, за стеклом, а достать-то не сможет!»

Получше разглядев комнату, девочка убедилась, что та её часть, которая была хорошо видна из гостиной, совершенно обыкновенная, зато другая совсем иная. Так, например, картины на стене, у камина, казалось, ожили, а часы на каминной полке (вы ведь знаете, в зеркало видна только их задняя сторона) стали вдруг похожими на ухмыляющуюся физиономию добродушного карлика.



«У них здесь далеко не так чисто, как у нас», — подумала Алиса, заметив в камине среди пепла несколько шахматных фигур. Опустившись на колени, девочка вдруг поняла, что фигуры... живые! И не просто живые, а разгуливают в камине парами.

— Вот Красный Король и Красная Королева, — едва слышно проговорила Алиса, чтобы не спугнуть их. — А вот и Белый Король со своей Королевой сидит на краю лопатки. А вот две Ладьи гуляют под ручку... Хорошо, что они меня не слышат, да и, скорее всего, не видят: я для них вроде как невидимка.

Тут на столе позади Алисы кто-то закричал, и это заставило её обернуться. Она успела заметить, как одна из белых фигурок промчалась по столу, расталкивая остальных, и воскликнула:

— Это мой ребёнок!

Пробегая мимо Белого Короля, она с такой силой дала ему пинка, что он свалился прямо в камин, и помчалась дальше, оглашая комнату воплями:

— Моя дорогая Лили, моя деревянная кошечка!

Алиса наконец разглядела, что это Белая Королева, когда та начала быстро взбираться по каминной решётке.

— Чепуха! — сердито проговорил Король, потирая нос, который ушиб во время падения, и пытаясь отряхнуться от пепла, усыпавшего его с головы до ног.

Алиса не могла оставаться в стороне: бедная маленькая Лили орала так, что того и гляди лишится чувств, — поэтому быстро схватила Королеву и поставила на стол рядом с её крикливой дочуркой.

Королева села, едва переведя дух: от быстрого перемещения по воздуху она чуть не задохнулась, так что в первые минуты была в состоянии лишь молча сжимать Лили в объятиях, — но как только немного оправилась, крикнула Королю, всё ещё сидевшему с надутым видом в пепле:

— Берегитесь извержения вулкана!

— Какого вулкана? — Король тревожно посмотрел на огонь, полагая, что вулкан скорее всего там.

— Ме-ня вы-бро-си-ло, — по слогам произнесла Королева. — Должно быть, это было внезапное извержение... Постарайтесь подняться наверх сами и смотрите, чтобы вас тоже не выбросило.

Король стал медленно взбираться по каминной решётке наверх, перебираясь с прута на прут, и Алиса наконец не выдержала:

— Да вам суток не хватит, чтобы добраться до стола. Давайте я вам помогу.

Но Король не обратил на это предложение никакого внимания: очевидно было, что он не видит и не слышит её.

Алиса осторожно взяла его и медленно-медленно, чтобы не перехватило дыхание, как у Королевы, подняла на стол, но, прежде чем поставить, решила немножко почистить от пепла.

Алиса потом рассказывала, что в жизни ещё не видывала такой физиономии, какую скорчил Король, когда неведомо кто поднял его в воздух. От изумления он не мог произнести ни звука, но его глаза и рот начали так комично округляться и расширяться, что у неё от смеха задрожала рука и она чуть не уронила фигурку на пол.

— Миленький, не делайте таких гримас! — воскликнула Алиса, совершенно забыв, что Король её не слышит. — И не раскрывайте так широко рот, а то наглотаетесь пепла. Ну вот... теперь вы довольно чистенький.

Пригладив Королю волосы, Алиса поставила его на стол рядом с Королевой, но фигурка плашмя повалилась на спину. Глядя на совершенно неподвижного Короля, Алиса немного испугалась: что же это она наделала? — и пошла посмотреть, нет ли где воды, чтобы привести его в чувство. Увы, кроме чернил, ничего жидкого найти не удалось.

Вернувшись к столу со своей находкой, Алиса увидела, что Король уже пришёл в себя и разговаривает с Королевой испуганным шёпотом, так что едва можно разобрать слова.

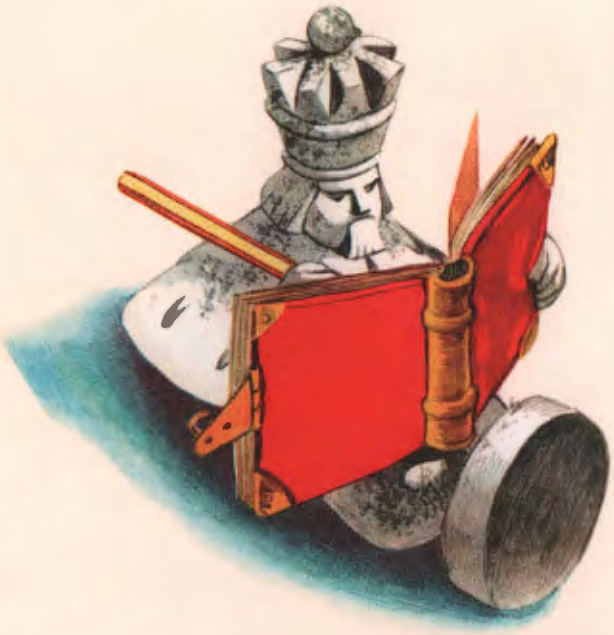
— Уверяю вас, дорогая: я похолодел аж до мозга костей.

— Откуда у вас мозг? — хмыкнула Королева.

— Ужас, который испытал в тот момент, — продолжал Король, — я никогда, никогда не забуду.

— Тотчас же забудете, — возразила Королева, — если не опишете случившееся в своей записной книжке.

maraja



Алиса увидела, как Король вытащил из кармана огромную записную книжку и принялся что-то записывать.

Повинуясь внезапной мысли, Алиса ухватила кончик карандаша, который поднимался над его плечом, и начала писать за него.

Бедный Король сидел озадаченный и смущённый, пытаясь справиться с взбесившимся карандашом, но куда там... В конце концов он сдался и вздохнул:

— Дорогая, мне положительно необходим более тонкий карандаш. Я совершенно не в состоянии управлять этим. Он пишет какие-то странные фразы — я и не думал писать ничего подобного.

Королева с любопытством заглянула в книжку, где Алиса написала: «Белый Конь съезжает вниз по кочерге. Он очень плохо держится».

— Что-то не похоже на запись об испытанных вами ощущениях.

Наблюдая за Белым Королём, в любой момент готовая обрызгать его чернилами, если он опять упадёт в обморок, Алиса взяла лежавшую на столе книгу и перевернула несколько страниц.

ВЕРЛИНОКА

— Какой-то странный язык, я ничего не понимаю, — удивилась девочка, но тут же сообразила, что читать следует с конца строки — ведь изображение-то зеркальное.

Алиса поднесла книгу к зеркалу, и её взору предстала поэма.

ВЕРЛИОКА

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

— Милый сын, Верлиоки беги как огня,
Бойся хватких когтей и зубов!
Бойся птицы Юб-Юб и послушай меня:
Неукротно свиреп Драколов.

Вынул меч он бурлатный тогда из ножен,
Но дождаться врага всё не мог
И, в глубейшую думу свою погружен,
Под ветвями Тум-Тума прилёг.

И пока предавался он думам своим,
Верлиока вдруг из лесу — шасть!
Из смотрил его — жар, из дышил его — дым,
И, пыхтя, раздыряется пасть.

Раз и два! Раз и два!.. Окровилась трава...
Он пронзил Верлиоку мечом.
Тот лежит неживой... а с его головой,
Окоропясь, полетел он скачом!

— Сын, ты зло погубил, Верлиоку убил!
Обними меня — подвиг свершён.
Мой Блестянчик, хвала!.. Урла-лап! Курла-ла!.. —
Зауракал на радости он.

Было супно... Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

— Ничего себе стишки, — закончив чтение, проговорила Алиса. — Почему-то только трудно что-либо понять... — Она не хотела сознаться даже себе самой, что не поняла ни словечка. — Голова наполнена мыслями, но разобраться, что к чему, я не могу. Во всяком случае, кто-то кого-то вроде бы убил.

Тут она вспомнила, что намеревалась осмотреть весь дом, а потому следует поторопиться, а то можно и не успеть. Для начала она решила заглянуть в сад.

Алиса быстро покинула комнату и побежала вниз по лестнице... собственно, не побежала: это было такое новое изобретение — чтобы очутиться сразу внизу, достаточно положить руку на перила, и легко слетаешь вниз, не касаясь ногами ступенек. Таким же образом она пролетела через прихожую и вылетела бы прямёхонько в дверь, если бы не ухватилась за косяк. У неё немножко закружилась голова от столь стремительного полёта, и она даже обрадовалась, что может опять двигаться как обычно.

Сад Живых цветов

«С вершины холма сад наверняка можно рассмотреть гораздо лучше, — подумала Алиса. — А вот и тропинка, которая ведёт прямо наверх...»

После того как ей пришлось сделать несколько крутых поворотов, Алиса засомневалась, что доберётся до вершины, а тропинка и вовсе превратилась в серпантин.

— Прямо штопор, а не тропинка! Так я, пожалуй, попаду опять в дом... Попробуем с другой стороны...

И Алиса повернула. Но сколько бы она ни поднималась или опускалась, поворачивая то вправо, то влево, всё равно возвращалась к дому. Один раз, когда она завернула за очередной угол быстрее обыкновенного, она наткнулась на дом, ещё не успев остановиться, и чуть было не уткнулась лбом в стену.

— Ничего у тебя не получится! — рассердилась Алиса, глядя на дом, как будто тот спорит с ней. — Я вовсе

не собираюсь входить — это будет конец всем моим приключениям!

Решительно повернувшись спиной к дому, она опять вступила на ту дорожку, дав себе слово никуда не сворачивать, пока не доберётся до вершины холма. И поначалу всё шло хорошо, и она уже сказала себе: «Теперь я точно доберусь», — но в следующее мгновение дорожка у неё под ногами вдруг изогнулась, взбрыкнула, и Алиса опять очутилась на пороге дома.

— Ах как это гадко! Никогда ещё не видела дома, который так путался бы под ногами. Никогда!

А холмик вот он, прямо перед её глазами. Что же, делать нечего — придётся начинать сначала. На сей раз Алиса наткнулась на большую клумбу с бордюром из маргариток и лилиями, которые занимали её середину и грациозно покачивались на ветру.

— О, Тигровая Лилия! — воскликнула Алиса. — Как было бы хорошо, умей ты говорить.

— Можно и поговорить, было бы о чём, — вдруг услышала девочка.

От удивления Алиса была не в состоянии вымолвить ни слова. У неё даже дыхание перехватило. Но Тигровая Лилия продолжала спокойно покачиваться, и Алиса вскоре успокоилась и почти шёпотом произнесла:

— И все другие цветы тоже умеют говорить?

— Не хуже тебя! — отрезала Тигровая Лилия. — И уж точно гораздо громче.

— Нам не подобает заговаривать первыми, как тебе хорошо известно, — раздался голос Розы. — И я ждала, когда заговоришь ты. А ещё подумала: «Её лицо имеет вполне осмысленное, хотя и неумное выражение». И у тебя хороший цвет, что тоже немаловажно.

— Меня цвет как раз мало беспокоит, — заметила Тигровая Лилия. — Вот если бы лепестки вились немножко больше, она была бы очень даже ничего.

Алисе не понравилось, что о ней говорят так, будто её здесь нет, и решила прервать их диалог:

— А вам не бывает страшно, что за вами вдруг станет некому присматривать?

— Видишь это дерево? — кивнула головкой Роза. — Зачем оно, ты думаешь, здесь растёт?

— А чем оно поможет в случае опасности? — удивилась Алиса.

— Как чем, лаем, конечно, — сказала Роза.

— Оно это делает так: «Ав, ав!» — воскликнула Маргаритка. — Потому и называется «ава».

— Не «ава», а «ива», — поправила её Тигровая Лилия.

— Она решительно ничего не знает, — вступила другая Маргаритка, и тут все обитатели клумбы заговорили хором, да так громко, что Алисе захотелось заткнуть уши, чтобы не слышать писклявые голоса.

— Да замолчите вы все! — воскликнула Тигровая Лилия, яростно раскачиваясь из стороны в сторону и дрожа

всеми лепестками. — Знают, что я не могу до них дотянуться, а то бы не посмели, — обратилась она к Алисе.

— Ничего, сейчас попробую их успокоить.

Алиса нагнулась к Маргариткам, которые опять подняли было галдёж, и шепнула:

— Если сейчас же не замолчите, сделаю из вас букет.

Тотчас же наступила тишина, а некоторые розовые Маргаритки от страха превратились в белые.

— Вот это правильно, — кивнула Тигровая Лилия. — Они такие несносные! Стоит одной заговорить, как все остальные вступают хором. От их гвалта завянуть можно.

— Как могло случиться, что все вы умеете разговаривать? Я бывала во многих садах, но нигде не видела говорящих цветов.

— Коснись рукой земли, и всё сама поймёшь, — сказала Тигровая Лилия.

Алиса опустилась на корточки и, положив обе ладошки на землю, пожала плечами:

— Она очень твёрдая, эта земля, но я всё равно не понимаю...

— В большинстве садов, — пояснила Тигровая Лилия, — садовники слишком сильно рыхлят землю, она становится чересчур мягкой, и цветы там засыпают.

— Мне такое в голову не могло прийти, — удивилась Алиса, но в то же время и обрадовалась такому простому объяснению.

— Я полагаю, что тебе вообще мало что приходит в голову, — проворчала Роза.

— Отродясь не видала более глупой физиономии, — поддакнула Фиалка, и Алиса аж подскочила от неожиданности: до сих пор она предпочитала молчать.

— Помолчали бы! — повысила голос Тигровая Лилия. — Можно подумать, вы много чего видели! Спрячете голову под листьями — так и сидите. О том, что делается на свете, вы знаете не больше, чем какая-нибудь почка!

— В этом саду есть ещё кто-нибудь вроде меня? — решила сменить тему Алиса.

— Есть тут кое-кто — умеет так же двигаться, как ты, — пробубнила Роза. — Хотя не понимаю, как вы это делаете... Только это скорее куст, чем цветок.

— И он похож на меня? — обрадовалась Алиса, подумав: «Наверное, здесь есть ещё одна девочка».

— Да, такой же нескладный, как ты, — по обыкновению бестактно ответила Роза, — но он, пожалуй, покраснее, да и лепестки его, кажется, покороче твоих будут.

— Да те лепестки тесно прижаты друг к другу, почти как у далии, — добавила Тигровая Лилия, — а не натыканы кое-как, как у тебя.

— Но в этом нет твоей вины, — снисходительно «успокоила» Роза. — Когда ты начинаешь увядать и знаешь об этом, известное дело, поддерживать свои лепестки в порядке нет никакой возможности.

Алисе эта мысль совершенно не понравилась, и, чтобы переменить тему, она спросила:

— А это существо когда-нибудь приходит сюда?

— Конечно. Да ты скоро и сама всё увидишь, — сказала Роза. — Только смотри осторожно: оно колючее.

— И где же находятся эти колючки? — полюбопытствовала Алиса.

— Как где? На голове, конечно, — удивилась её непонятливости Роза. — Я, собственно, не понимаю, почему их нет у тебя. Мне казалось, так должно быть у всех.

— А вот и она! — воскликнула Живокость. — Я слышу, как она идёт — туп-туп! — по песку.

Алиса оглянулась и увидела, как к ним приближается Красная Королева. Прежде всего ей бросилось в глаза, что дама заметно подросла. И в самом деле: когда Алиса впервые её увидела — в пепле, — она была ростом не больше трёх дюймов, а теперь стала на полголовы выше её самой.

Видимо, своё удивление Алиса выразила вслух, потому что услышала, как Роза сказала:

— Это всё от свежего воздуха. Здесь прямо-таки чудный воздух.

— Пожалуй, пойду ей навстречу, — сказала Алиса. Беседовать с цветами, конечно, довольно интересно, но хотелось бы поговорить и с деревянной Королевой.

— Ничего не получится, — заявила Роза. — Я бы посоветовала тебе выбрать другую дорогу.

Это показалось Алисе бессмыслицей, поэтому, ничего не ответив, она двинулась навстречу Королеве. Только вот что

удивительно: та сразу исчезла из вида, а девочка опять очутилась перед дверью дома.

Немного раздосадованная, Алиса отошла от порога и принялась осматривать окрестности в надежде увидеть Королеву. И наконец увидела, но очень далеко, и подумала, не будет ли быстрее дойти до неё, если двинуться в противоположную сторону.

И ей всё удалось просто блестяще. Не прошло и минуты, как она столкнулась лицом к лицу с Красной Королевой. Кроме того, перед ней открылся как на ладони весь холмик, куда она так стремилась, но никак не могла попасть.

— Откуда ты? — вопросила Красная Королева. — И, главное, куда? Смотри мне в глаза, отвечай вежливо и прекрати махать руками.

Алиса постаралась исполнить все приказания капризной Королевы и объяснила, что сбилась с дороги.

— Я не знаю, куда ты направлялась, но меня интересует, зачем вообще сюда явилась, — сказала Королева. — Не забудь про реверанс, пока обдумываешь ответ: это поможет сосредоточиться и даст немного дополнительного времени.

Алису немного удивили слова шахматной Королевы, но она испытывала такой трепет, что возражать не стала.

«Потренируюсь дома, — подумала девочка. — Как только пойму, что опаздываю к обеду».

— Пора бы уже ответить, — нетерпеливо произнесла Королева, демонстративно посмотрев на часы. — И открывай пошире рот, когда будешь говорить.

— Я всего лишь хотела посмотреть сад...

— Это хорошо. — Королева погладила Алису по голове, чего, кстати, Алиса терпеть не могла. — Хотя, что касается садов, так я видала такие, перед которыми этот просто огород.

Алиса не посмела возразить и продолжила:

— И подумала, что лучше всего это сделать с вершины холма, и попробовала отыскать туда дорогу.

— Кстати о холмах, — прервала её Королева. — Я могла бы показать тебе такие, в сравнении с которыми этот всего лишь кочка, а то и вовсе долина.

— Этого не может быть! — воскликнула Алиса, тут же забыв о своем решении не противоречить. — Холм никак не долина. Это полная чепуха, вы же понимаете.

Красная Королева покачала головой.

— Можешь называть это и так, если хочешь, но я слыхала такую чепуху, в сравнении с которой в этой чепухе больше смысла, чем в любом самом лучшем словаре.

Алиса опять начала делать реверансы: ей показалось, что Королева немножко обиделась, — и они дошли до вершины холма в полном молчании.

Несколько минут Алиса, не говоря ни слова, обозревала раскинувшуюся у подножия страну, и она казалась ей весьма забавной. Всю местность по прямым линиям от

края до края пересекало множество чистых маленьких ручейков, между которыми тянулись поперёк невысокие зелёные живые изгороди, разделяя всю площадь таким образом на квадратики.

— Прямо как большая шахматная доска! — удивлённо воскликнула Алиса. — А вот и фигуры. Здесь наверняка разыгрывается партия в шахматы. Ах как это интересно! Мне бы ужасно хотелось стать одной из фигур, пусть даже простой Пешкой... хотя, конечно, быть Королевой предпочтительней.

Алиса робко посмотрела на деревянную Королеву, и та ей мило улыбнулась:

— Это легко устроить. Ты можешь быть Пешкой Белой Королевы, если хочешь, потому что Лили ещё слишком мала, чтобы играть. Для начала станешь во Второй ряд, а когда дойдёшь до Восьмого, станешь Королевой...

Как раз в эту минуту — как уж такое могло случиться? — они побежали.

Алиса потом никак не могла вспомнить, как это, собственно, вышло. Единственное, что ей запомнилось, — это как они бежали, взявшись за руки, причём Королева так мчалась, что она едва-едва за ней успевала. А та всё торапливала:

— Живей, живей!

Но Алиса чувствовала, что выбилась из сил, ей не хватает дыхания. Забавнее всего было то, что деревья и вообще все предметы кругом продолжали оставаться на своих местах. С какой бы скоростью они ни бежали, ни разу не пробежали ни мимо чего: было такое впечатление, что предметы двигаются вместе с ними. Это весьма озадачило Алису, а Королева, словно угадав её мысли, скомандовала:

— Живей! Ничего не говори!

У Алисы, впрочем, и в мыслях не было издать хоть звук. Ей казалось, что она вообще никогда в жизни больше не заговорит: так перехватило дыхание, — а Королева только знай себе кричала: «Живей, живей», — и волокла её за собой.

— Далеко ещё? — кое-как сумела прохрипеть несчастная Алиса.

— Далеко? — повторила Королева. — Какое далеко, когда мы уж десять минут как бежим дальше! Живей!

И они ещё некоторое время мчались молча, только ветер свистел в ушах. Алисе же казалось, что ей сдует все волосы с головы.

А Королева всё не унималась, всё подгоняла:

— Ну! Живей, живей!

И они понеслись так быстро, что вроде бы даже скользили по воздуху, едва касаясь ногами земли. И вдруг неожиданно, как раз в тот момент, когда Алиса почувствовала, что совершенно выбилась из сил, остановились. И девочка потеряла сознание, а когда пришла в себя, поняла, что си-

дит на земле, голова кружится, а дышать тяжело.

Королева прислонила её к дереву и сказала мягко:

— Теперь можешь чуточку отдохнуть.

Алиса оглянулась и удивлённо воскликнула:

— Что такое? Мы что, всё время были под этим деревом? Ведь кругом ничего не изменилось!

— Конечно, не изменилось, — в свою очередь удивилась Королева. — А что должно было измениться?

— В нашей стране, — с трудом проговорила Алиса, всё ещё задыхаясь, — если куда-то кто-то бежит, да ещё с такой скоростью и так долго, то обязательно куда-нибудь да прибежит.

— Какая медленная у тебя страна, — фыркнула Королева. — Здесь приходится бежать что есть мочи только для того, чтобы оставаться на месте, а уж если хочешь куда-нибудь передвинуться, придётся бежать по меньшей мере вдвое быстрее.

— Лучше не надо, пожалуйста, — взмолилась Алиса. — Мне вполне нравится и здесь, только очень жарко и хочется пить.

— Я знаю, что тебе нужно, — отозвалась Королева и вынула из кармана коробочку. — Вот возьми сухарь.

Алиса решила, что отказаться было бы невежливо, и хотя ей вовсе не сухаря хотелось, а пить, всё же взяла его и кое-как съела, подумав при этом: «Как жаль, что сухари такие сухие».

— Пока ты восстанавливаешь силы, я сниму мерки, — сказала Королева и, достав из кармана мерную ленту с дюймовой разметкой, принялась что-то измерять, втыкая то там, то тут в землю маленькие колышки.

Обозначив дистанцию в два шага, Королева проговорила:

— Сейчас я укажу тебе твою дорогу. Ещё сухарь?

— Нет, благодарю вас, — выдавила Алиса. — Одного более чем достаточно.

— Ну и ладно — главное, жажду утолила.

Алиса не знала, что на это ответить, но, к счастью, Королева и не ждала её ответа.

— Через три шага я повторю свои указания, чтобы ты их не забыла, через четыре шага скажу тебе: «До свидания», а через пять — уйду.

К этому времени все колышки Королева уже воткнула, и Алиса с большим интересом смотрела, как она сначала вернулась под дерево, а потом медленно пошла вдоль колышков.

У колышка, отмечавшего два шага, она повернулась направо кругом и сказала:

— Ты знаешь, Пешка, начиная игру, делает два хода. Так ты быстро переберёшься через Третий ряд, — по железной дороге, я думаю, — и не успеешь оглянуться, как очутишься в Четвёртом. Этот ряд принадлежит Твидлдуму и Твидлди. Пятый — почти весь под водой, а в Шестом хозяйничает Болванчик. А почему ты ничего не говоришь?

— Я... я не знала, что должна что-то сказать, — пролепетала Алиса.

— Тебе следовало поблагодарить меня, например, так: «С вашей стороны было очень любезно разъяснить мне всё это...» Ну ладно, предположим, ты это сказала... Итак, продолжим. Седьмой ряд весь покрыт лесом — впрочем, один из Коней покажет тебе дорогу, — а в Восьмом ряду ты уже будешь Королевой, и там сплошные пиры и забавы.

Алиса встала, сделала книксен и опять села.

У следующего колышка Королева снова повернулась и нравоучительно произнесла:

— Говори по-французски, если не найдёшь английского названия для какой-нибудь вещи, выворачивай ноги при ходьбе и помни, кто ты.

Королева не стала дожидаться, пока Алиса сделает книксен, а быстро перешла к следующему колышку, повернулась на секунду, чтобы бросить: «До свидания!» — и спешно бросилась к последнему.

Как это случилось, Алиса не могла понять, но, едва поравнявшись с последним колышком, Королева исчезла. Куда — то ли растворилась в воздухе, то ли скрылась в лесу (а бегать она умела!), — сказать невозможно, но исчезла она совершенно точно. И тут Алиса вспомнила, что теперь она Пешка и скоро ей придётся вступить в игру.

Насекомые в Зазеркалье

Конечно, первым делом надо было хорошенько оглядеться и познакомиться со страной, по которой ей предстояло путешествовать.

«Это очень похоже на урок географии, — подумала Алиса, поднявшись на цыпочки, чтобы увеличить себе обзор. — Главные реки... их тут нет. Главные горы... я стою на единственном здесь холме, но вряд ли у него есть название. Главные города... Ой, а это что такое? Что это за существа? Похожи на пчёл, которые собирают мёд с цветов, но они не могут быть пчёлами — разве можно увидеть пчёл на таком расстоянии?»

И Алиса некоторое время молча наблюдала, как одно из этих существ хлопотало между цветами, вонзая в их чашечки своё жало.

«Прямо как настоящая пчела», — подумала Алиса, однако это было всё, что угодно, но только не пчела. По-

наблюдав за существом, девочка скоро убедилась, что её первоначальная догадка подтвердилась: это действительно слон, — хотя эта мысль сначала испугала её до полусмерти.

«Какие же это должны быть огромные цветы, — подумала Алиса в следующее мгновение. — Вроде домов, вероятно, с которых сняли крыши и внутрь воткнули тычинки. И сколько же в них должно быть мёду! Пожалуй, стоит спуститься туда...»

Она сделала несколько шагов вниз, но вдруг остановилась.

«Надо сначала запастись хорошей веткой на всякий случай. Мало ли что у этих слонов на уме... Вот смешно будет, когда меня спросят дома, как мне понравилась моя прогулка, а я им скажу: «Ничего себе, только пыльно было и жарко... а ещё слоны докучали».

— Спущусь-ка я вниз по другой дороге, — сказала себе Алиса, подумав. — А на слонов посмотрю в другой раз. Кроме того, мне так хочется поскорее попасть в Третий ряд.

Оправдав таким образом собственную трусость, Алиса сбежала с холма и перепрыгнула через первый из шести маленьких ручейков.

— Ваши билеты! — потребовал Кондуктор, всунув голову в окошко вагона, и через минуту у всех в руках очутилось по билету.

Поскольку билеты были размером почти с пассажиров, в вагоне сразу стало тесно.

— Ну-с, ваш билет, дитя? — рассердился Кондуктор на Алису, которая не приготовила билет, как другие.

Со всех сторон раздались недовольные голоса:

— Не задерживайте его, девочка. Минута его времени стоит тысячу фунтов.

— К сожалению, у меня нет билета, — испуганно пролепетала Алиса. — Там, откуда я пришла, не было кассы.

И опять раздался хор пассажиров:

— Там, откуда она пришла, нет места для билетной кассы, — там земля стоит тысячу фунтов за квадратный дюйм.

— Не оправдывайтесь! — прикрикнул Кондуктор. — Вы должны были купить билет у Машиниста.

И опять раздался хор:

— Машинист! Ха! Да один дым его паровоза стоит тысячу фунтов.

Алиса подумала: «Говорить, видно, тут бесполезно». Голоса на сей раз не раздались, потому что она ничего не сказала, но, к её великому удивлению, все пассажиры подумали хором (Я полагаю, вы понимаете, что значит думать хором? Я лично, признаться, нет): «Лучше ничего не

говори. Каждое слово стоит тысячу фунтов».

«Мне теперь, наверное, эта тысяча фунтов будет сниться», — подумала Алиса.

Всё это время Кондуктор рассматривал её: сначала в телескоп, потом в микроскоп и, наконец, в бинокль, — потом он опустил окно и удалился, пробормотав что-то вроде «вам в другую сторону».

— Такая маленькая девочка, — заметил джентльмен, сидевший напротив и одетый в белую писчую бумагу, — должна знать, куда едет, даже если не знает, как её зовут.

Козёл, который сидел рядом с господином в белом, закрыл глаза и громко проговорил:

— Она должна знать, где билетная касса, даже если не знает азбуки.

Сидевший рядом с Козлом Жук (это вообще была довольно странная компания пассажиров) вступил, соблюдая, по-видимому, установленную очередь для замечаний:

— Её надо убрать отсюда в багажный вагон.

Алиса не могла разглядеть, кто сидел за Жуком, но некто с хриплым голосом произнёс:

— Пусть перейдёт в другой...

Фразу незнакомец так и не закончил: начал вдруг икать, кашлять, а потом вовсе вышел из вагона, шлёпая калошами.

«Похоже, это была лошадь», — подумала Алиса, и в тот же миг тонюсенький голосок пропищал ей в ухо:

— Не оттого ли лошадь, что она в калошах?

Потом чей-то приятный голос произнёс из-за угла:

— На неё надо наклеить ярлык: «Осторожно! Крюками не трогать!»

И всё время раздавались — один за другим — голоса («Сколько же народу набилось в вагон!» — изумилась Алиса): «Ясно как мармелад: её надо отослать по почте...» «По телеграфу послать её надо...» «Она сама должна тащить поезд...» И множество других — самых разных — замечаний.

Джентльмен в белой писчей бумаге наклонился к Алисе и шепнул на ушко:

— Не обращай, детка, внимания на то, что они говорят, но каждый раз, как поезд остановится, бери обратный билет.

— И не подумаю, — огрызнулась Алиса. — Я вовсе не собираюсь путешествовать по железной дороге, меня гораздо больше привлекает лес, куда мне очень хотелось бы вернуться.

— А ты не знаешь, что на всякое хотенье есть терпенье? — пропищал тот же тонюсенький голосок прямо ей в ухо.

— Не дразните меня, пожалуйста, — попросила Алиса, тщетно стараясь понять, откуда исходит этот голос. — Если вам так хочется острить, острите на свой счет.

Обладатель тоненького голоска глубоко вздохнул: он был, очевидно, очень несчастен, — и Алисе захотелось сказать ему что-нибудь утешительное. «Уж хоть бы он вздыхал по-людски», — подумала она, поскольку это был такой крохотный вздох, что вполне можно было его и не услышать, не раздайся он у самого её уха, так что она даже поёжилась от щекотки.

— Я знаю, что ты мне друг, — услышала Алиса. — Дорогой, старый друг, который никогда не обидит, хотя я всего лишь насекомое.

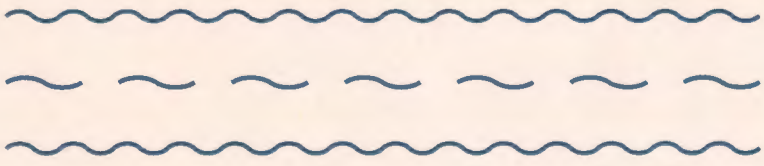
— Какое именно насекомое? — не без тревоги осведомилась Алиса, поскольку хотела бы знать, есть у него жало или нет, а прямо задать этот вопрос сочла неприличным.

— Так ты не всех любишь... — начал голосок, но утонул в резком свистке паровоза.

Все вскочили как по тревоге, а с ними и Алиса.

Лошадь, которая высунула голову в окно, втянула её обратно в вагон и спокойно сказала:

— Пустяки... Надо только перескочить через ручеёк.



Все, по-видимому, успокоились, выслушав это заявление, и только Алиса почувствовала себя не очень уютно при мысли о поезде, перепрыгивающем через ручей, в то же время подумав: «Во всяком случае, мы очутимся в Четвёртом ряду. Хоть какое-то утешение». Через секунду она почувствовала, как вагон дыбом поднялся в воздух, и в страхе схватилась за ближайший к ней предмет, который оказался бородкой Козла.

Но борода эта словно растаяла, стоило Алисе ухватиться за неё, и она оказалась преспокойно себе сидящей под деревом, в то время как Комар (потому что именно с этим насекомым она разговаривала в вагоне) раскачивался на ветке, как раз над её головой, и обмахивал её, как веером, своими крыльями.

Хотя это был, конечно, необычайно большой Комар («С цыплёнка», — подумала Алиса), она уже его не боялась, после того как они так мило поговорили в вагоне.

— Так ты вообще не любишь насекомых? — поинтересовался Комар таким спокойным тоном, словно ничего не случилось.

— Люблю, но лишь тех, что умеют говорить. В моей стране таких нет.

— И что, ни одно из насекомых не доставляет тебе радости? — удивился Комар.

— Они меня совсем не радуют, потому что многих я боюсь, в особенности крупных. Кое-кого могу назвать.

— Они, конечно, откликаются, когда их называют по имени? — мельком заметил Комар.

— Я никогда не обращала на это внимания.

— Наверняка откликаются, иначе на что им имена?

— Им, может, и ни к чему, но тем, кто их этими именами обозначил, наверное, нужны. Я так думаю. Зачем вообще всем вещам дали названия?

— Этого я не могу объяснить, — сказал Комар. — Знаю лишь, что там, в лесу, ни у кого нет никаких имён, как у вас. Хочешь, устроим перекличку — но только время зря потеряешь.

— У нас есть, например, Овод, — начала между тем Алиса и загнула один палец.

— Совершенно верно, Обод, — согласился Комар. — Вон там в кустах можешь его увидеть: это деревянная качалка на круглых полозьях.

— А чем он питается? — полюбопытствовала Алиса.

— Стружками да опилками. Ну кто там у тебя дальше?

Алиса с интересом оглядела Овода и решила, что его, верно, совсем недавно выкрасили: такой он был блестящий и липкий.

— Ещё у нас есть Стрекоза.

— Посмотри на ветку у себя над головой, — предложил Комар, — и увидишь свою Стрекозу. Её тело — это сливовый пудинг, крылья — листья мальвы, а голова — пьяная вишенка.

— А чем питается она? — спросила Алиса.

— Кашей и пирожками с мясом, а гнездо себе вьёт в ящике с рождественскими подарками.

— Ещё есть Бабочка, — переключилась Алиса с насекомого из сливового пудинга.

— Взгляни себе под ноги, — пропищал Комар, и Алиса инстинктивно подтянула колени к груди. — Это сдобная Бабка: крылышки у неё из жжёного сахара, тело из куличного теста, а голова — марципановая.

— А чем она питается?

— Слабым чаем со сливками.

— А если нет чаю? — поинтересовалась девочка.

— Ну, тогда она помрёт, ясное дело, — спокойно, что очень удивило Алису, ответил её собеседник.

— Так ведь это, должно быть, очень часто случается?

— Да без конца, — не выразил никаких эмоций Комар.

Алиса молчала несколько минут в раздумье, а Комар тем временем развлекался, летая и жужжа над её головой. Наконец он опять уселся и заметил:

— Ты, вероятно, не хотела бы потерять своё имя?

— Конечно, нет, — с тревогой сказала Алиса.

— А что в этом плохого? — продолжил беззаботно Комар. — Только представь: вот вернулась ты домой безымянная, а, например, твоя гувернантка, которой нужно позвать тебя на урок, начинает кричать: «Поди сюда...», — и замолкает, потому что имени-то у тебя нет и никак тебя позвать невозможно, хоть кричи она до вечера. И идти тебе к ней поэтому совсем необязательно.

— Из этого ничего бы не вышло, — возразила Алиса. — Моей гувернантке и в голову не придёт из-за такой

ерунды, как отсутствие имени, избавить меня хоть от одного урока. Даже если бы она вдруг забыла, как меня зовут, то просто назвала бы «мисс».

— Ну, если бы она сказала просто «мисс», ты вполне могла бы ей ответить просто: «Брысь!» Видишь — почти в рифму. У меня, кстати, иногда получаются очень остроумные рифмы. Меня бы очень порадовало, если бы и ты придумала рифму.

— Это была очень плохая рифма, — возразила Алиса.

Комар вздохнул тяжело, и две крупных слезы покатились по его щекам.

— Зачем острить и сочинять стихи, если это доставляет вам огорчение? — в недоумении спросила девочка.

Тут опять раздался меланхолический тихий вздох, и на этот раз Алисе показалось, что бедный Комар испустил дух. Когда она подняла глаза, на ветке никого не было.

От долгого сидения на одном месте Алиса замёрзла, и поэтому она решила отправиться знакомиться с неведомой страной.

Скоро она очутилась в открытом поле, а за ним начинался лес, который выглядел куда более мрачным, чем

тот, где она недавно была, и Алисе стало немножко жутко. Впрочем, немного подумав, она решительно шагнула к опушке. «Ведь не идти же назад, — сказала она себе. — Тем более что это единственная дорога к Восьмому ряду».

Прошагав немного вдоль опушки, Алиса подумала:

«Вероятно, это тот самый лес, где ничто не имеет названий. Что же будет с моим именем, когда я вступлю туда? Я вовсе не хочу стать безымянной. Впрочем, папе и маме придётся дать мне другое имя, только и всего. И скорее всего это будет какое-нибудь некрасивое имя. Вот смехуто будет, когда я стану искать ту, что нашла моё старое имя! Пожалуй, придётся публиковать в газетах объявление наподобие тех, что печатают, когда потеряют собаку: «Отзывается на кличку Нептун, на ошейнике — медная табличка». Или пришлось бы окликать всех встречных девочек: «Алиса!» — пока кто-нибудь не отзовётся. Только ведь, если не глупая, может и не отозваться».

Так размышляя, Алиса вошла в лес. Здесь было очень тихо и прохладно. «Ничего, — сказала она себе. — После

такой жары вовсе не худо очутиться в этом... перенестись в этот... во что? — Алису очень удивило, что слово никак не находилось. — Я хочу сказать, что после жары очень приятно побыть в... очутиться под... ну, под этими, ну как их... — Она положила руку на ствол дерева. — Как оно называется, вот это?.. Кажется, у него нет названия... Ну конечно, нет...»

Она поразмышляла с минуту и вдруг начала понимать: это действительно произошло... Так кто же она теперь? Кто? Ей необходимо вспомнить. Но, к сожалению, всё, что она могла сказать о себе после долгих раздумий, было: «Я знаю, что моё имя начинается на букву А».

В эту минуту между деревьями показался Оленёнок и, посмотрев на девочку своими большими кроткими глазами, по-видимому, совсем не испугался.

— Пожалуйста, поди сюда! — позвала его Алиса и протянула руку, чтобы погладить.

Оленёнок чуть отступил в сторону и, остановившись, спросил:

— Как тебя зовут?

Голос у него был такой мягкий, такой приятный.

«Я и сама хотела бы это знать», — подумала бедная Алиса и ответила печально:

— Никак не могу вспомнить.

— Нет, так не годится. Подумай ещё, — сказал Оленёнок.

Алиса, казалось, напрягла все извилины своего мозга, но из этого ничего не вышло, и она робко попросила:

— Может быть, ты скажешь, как зовут тебя, а я вспомню своё имя.

— Хорошо, но для этого нужно пройти чуть глубже в лес: здесь я не могу вспомнить.

Алиса нежно обхватила руками мягкую шею Оленёнка, и они направились вместе в глубь леса. Благополучно добравшись до опушки, путешественники оказались перед другим бескрайним полем. Тут Оленёнок вдруг высоко подпрыгнул и, освободившись от Алисиных объятий, радостно воскликнул:

— Я Оленёнок! А ты... боже мой, ты человеческое дитя.

В тот же миг в его прекрасных карих глазах мелькнула тревога, и через секунду, сделав огромный скачок, он во всю прыть понёсся прочь.

Алиса смотрела ему вслед и чуть не плакала от огорчения: ах, как жаль лишиться вдруг такой приятного спутника!

«Однако теперь я знаю своё имя, — быстро утешилась Алиса. — И уж теперь-то я его не забуду. Ладно, но по какой же дороге мне двигаться дальше?»

Решение, куда идти, далось без труда, потому что перед Алисой была всего одна дорога — через новый лес, а два столба с указателями на неё и указывали.

— Ясно! — сказала себе Алиса. — По этой дороге дойду до развилки, а потом придётся выбирать: стрелки, я уверена, будут указывать различные направления.

Но этого, к счастью, ни разу не случилось. Алиса долго шла по дороге, не раз ей попадались развилки, но указатели на столбах всегда были вытянуты в одну и ту же сторону, только надписи на них различались. На одном указателе было написано: «К дому Твидлдума», — а на другом: «К дому Твидлди».

«По-видимому, — решила Алиса, — эти господа живут в одной усадьбе. Как это мне раньше не пришло в голову? Ну, я у них не задержусь. Скажу им: «Как поживаете?» — и попрошу указать выход из леса. Мне бы только добраться до Восьмого ряда засветло».

И она двинулась вперёд, разговаривая сама с собой, пока не наткнулась за крутым поворотом дороги на двух маленьких толстячков. Они появились так неожиданно, что Алиса невольно отшатнулась, но тотчас же поняла, что бояться нечего, потому что была совершенно уверена: это хозяева Четвёртого ряда — Твидлдум и Твидлди.

Твидлдум и Твидлди

Они стояли под деревом рядышком, обнявшись, похожие друг на друга как две капли воды, с вышитыми на воротниках буквами ДУМ и ДИ, чтобы, видимо, можно было их различить.

«Наверное, остальные буквы вышиты у каждого из них на задней стороне воротника», — подумала Алиса.

Они стояли тихо, будто неживые, и Алиса попыталась их обойти, чтобы посмотреть, действительно ли у них на воротниках сзади вышито «Твидл», но её остановил человечек, помеченный буквами ДУМ:

— Даже если ты думаешь, что мы восковые, сначала заплати. Восковые фигуры не для того делаются, чтобы на них даром глазеть. Ни в каком случае!

— Наоборот, — возразил тот, у которого на воротнике было вышито «Ди». — Если ты думаешь, что мы живые, так поговори с нами.

— Я очень виновата, — только и могла выговорить Алиса, потому что в её голове, как тиканье часов, зазвучали слова старинной песенки, и она еле удержалась, чтобы не произнести их вслух:

Раз Твидлдум и Твидлди
Затеяли сражаться
За то, что будто Твидлди
Сломал трещотку братца.
Откуда Ворон ни возьмись,
Большой, чернее вару:
Бойцы от страха затряслись
И вмиг забыли свару!

— Я знаю, что ты подумала, — сказал Твидлдум. — Но это не так. Ни в каком случае!

— Наоборот, — вступил тут же Твидлди. — Если бы это было так, то могло бы быть, а если бы это могло бы быть, оно бы так и было. Но так как это не так, этого и нет. Простая логика.

— Я думала, как лучше выбраться из лесу, а то становится темно. Может, вы окажете мне любезность и поможете отыскать дорогу? — как могла вежливо попросила Алиса, но толстячки только переглянулись и ухмыльнулись.

Они были так похожи на пару школьников, только очень толстых, что Алиса не смогла удержаться и, ткнув пальцем в сторону Твидлдума, произнесла:

— Первый ученик.

— Ни в каком случае! — тут же последовало в ответ, и Твидлдум закрыл рот с таким звуком, словно захлопнул.

— Второй ученик. — Алиса указала на Твидлди, ничуть не удивившись, когда тот выкрикнул:

— Наоборот!

— Ты всё сделала неправильно с самого начала! — воскликнул Твидлдум. — Первым делом, когда приходишь с визитом, надо сказать: «Как поживаете?» — и поздороваться.

И братья сначала поцеловались, а потом протянули ошарашенной таким бурным проявлением чувств Алисе свои свободные руки.

Девочка в недоумении посмотрела на них, не зная, с кем поздороваться сначала, чтобы не обиделся другой, и в конце концов протянула им обе руки одновременно. И тотчас же братья втянули её в хоровод. Это казалось настолько естественным, что Алиса даже не удивилась, когда услышала музыку, которая, по-видимому, раздавалась с дерева — они как раз под ним танцевали, — а производили её, очевидно, ветки, что тёрлись одна о другую, как смычки о струны.

Очень толстые кавалеры скоро запыхались.

— Четыре тура совершенно достаточно, — сказал, с трудом переводя дыхание, Твидлдум, и танец прекратился так же внезапно, как начался, а музыка стихла.

Отпустив руки Алисы, с минуту братья молча смотрели на гостью, а та совершенно не знала, как завязать разго-

вор — ведь не скажешь «Как поживаете?» — если только что кружилась с ними в танце.

— Надеюсь, вы не очень устали? — решилась она наконец.

— Ни в коем случае. Спасибо, что спросила, — ответил Твидлдум.

— Это очень любезно, — поддакнул Твидлди. — Ты любишь стихи?

— Д-д-а... отчего же... некоторые, — не вполне уверенно пролепетала Алиса. — Но, может быть, вы всё же подскажете, как выбраться из этого леса?

— Что бы мне прочитать ей? — Твидлди посмотрел на Твидлдума большими серьёзными глазами, не обратив на слова девочки ни малейшего внимания.

— Я думаю, «Плотник и Тюлень» — оно самое длинное.

Твидлдум нежно обнял брата, и тот начал:

Сияло солнце в небесах...

Со всей вежливостью, на которую только была способна, Алиса осмелилась его прервать.

— Если оно очень длинное, может быть, вы сначала укажете мне дорогу? — сказала она.

Твидлди мягко улыбнутся и начал снова:

Сияло солнце в небесах —
Полдневное светило —
И золотых барашков блеск
На волны наводило.
Но странность
заключалась в том,
Что это... ночью было.

Надувшись, на него луна
С досадою глядела,
Решив, что солнце по ночам
Могло б ложиться смело.
«Вот наглость, —
думала она. —
Так портить мне всё дело».

Был сух на берегу песок,
Мокра вода морская...
Не видно было облаков
На синеве без края.

Не видно также было птиц:
Их улетела стая.

Гуляли Плотник и Тюлень
По бережку согласно,
Над тем,
что много так песку,
Рыдая громогласно:
— Когда бы весь
песок убрать...
Вот было бы прекрасно!

— Что, если б
семь служанок здесь
Семь мётел в руки взяли? —
Спросил Тюлень. —
Они песок
В полгода бы убрали?..
Но Плотник проронил слезу
И отвечал:
— Едва ли!..

— Ах, Устрицы!..
Пойдём пройтись, —
сказал Тюлень с мольбою. —
И погулять, и поболтать,
Внимая волн прибою.
Мы можем четырёх из вас
За ручки взять с собою.

Из Устриц старшая тогда
Безмолвно лишь взглянула.
Из Устриц старшая тогда
Тюленю подмигнула:

Мол, не покину
мель свою!.. —
И головой качнула.

Но уж четыре молодых
Спешили по дорожке,
Помывшись,
платьица встряхнув
И вычистив сапожки.
Тут странность
заключалась в том —
Зачем: где взять им,
бедным, ножки?

Ещё четыре, и ещё
Четыре показались:
Ещё, спеша, едва дыша,
Из моря появлялись,
Скакали через гребни волн
И за берег цеплялись.

Тюлень и Плотник
шли вперёд,
Пожалуй, больше мили,
Потом уселись на камнях
И отдохнуть решили,
А крошки Устрицы на них
Глазёнки устремили.

И очень смирно стали ждать,
Уставившись рядками.
Тюлень сказал:
— Пришла пора
Потолковать нам с вами.
Мы всем займёмся: сургучом,
Судами, башмаками...

О кочанах, о королях
Мы с вами поболтаем,
И отчего валы кипят,
Как будто чайник с чаем,
И есть ли крылья у свиней —
Мы это всё узнаем.

Но Устрицы повременить
Просили с разговором:
— Нас, Устриц жирненьких,
взяла
Одышка в беге скором.
И за согласье обождать
Благодарили хором.

— Нам нужен хлеб, —
сказал Тюлень. —
Он трапезы основа!
Но уксус с перцем
тоже здесь
Полезны — это к слову...
Итак, закусывать начнём —
Ведь всё у вас готово?

— Не нами ж! —
Устриц ужас взял,
Они позеленели... —
Ужель любезность вся вела
К такой зловещей цели?..
— Как ночь ясна!.. —
пропел Тюлень. —
На вид вы б поглядели.

Вы так любезны,
что пришли...
Нам с вами так отрадно...
— Отрежь-ка мне
ещё ломоть, —
тут буркнул
Плотник жадно. —

Оглох ты, что ли,
братец мой?
Мне на тебя досадно.

Тюлень сказал:
— Такой обман...
Мне перед ними стыдно...
Ещё заставить их бежать
Так далеко... Обидно.
А Плотник только проворчал:
— Тут масла и не видно.

Тюлень сказал:
— Как я скорблю,
Как плачу я над вами...
И самых крупных выбрал он
С горючими слезами,
Всё время носовой платок
Держа перед глазами.

— Надеюсь, —
Плотник тут спросил, —
Что вы прошлись приятно?..
Ведь, может, вам уже пора
Идти домой обратно?..

Но так как съели всех —
никто
Не отвечал, понятно.

Алиса горестно вздохнула: ей было жалко бедных Устриц, — и сказала:

— Тюлень всё-таки добрее — он даже плакал.

— Ага, зато съел Устриц намного больше, чем Плотник, — возразил ей Твидлди. — А платок держал перед собой, чтобы Плотник не мог видеть, сколько он съел и каких именно, — то есть всё наоборот.

— Это очень гадко! — возмутилась Алиса. — Теперь мне больше нравится Плотник... ведь, значит, он съел меньше, чем Тюлень.

— Он съел столько, сколько ему удалось, хотя мог бы и больше, — заметил Твидлдум.

Дело оказалось запутанным, и, подумав, Алиса начала:

— Ну, тогда они оба очень гадкие... — но вдруг замолчала и в тревоге прислушалась.

Из лесу, совсем недалеко от них, донеслись звуки — похожие на пыхтение паровоза. Но откуда в лесу паровоз? Может, это какой-нибудь дикий зверь?

— У вас, случайно, не водятся львы или тигры? — робко спросила она.

— Да нет, это Красный Король храпит, — успокоил её Твидлди.

— Хочешь посмотреть на него? Пойдём! — воскликнули братья хором и, подхватив Алису под руки, буквально потащили к тому месту, откуда раздавался храп.

— Правда, забавное зрелище! — воскликнул Твидлдум. — Когда-нибудь он этак голову себе с плеч отхрапит.

Взору Алисы предстал маленький человечек в красном ночном колпаке с кисточкой, лежавший под деревом, опираясь на него спиной и свесив голову, и храпевший что есть мочи.

— Как бы он не простудился на сырой траве. — Алиса, будучи заботливой девочкой, не увидела в этом «зрелище» ничего забавного.

— Как ты думаешь, что ему сейчас снится? — спросил Твидлди.

— Кто же может это знать? — удивилась Алиса.

— Ему снишься ты, — захлопал в ладоши Твидлди. — А если бы ты вдруг перестала ему сниться, как думаешь, где бы сейчас очутилась?

— Наверное, там же, где и сейчас...

— Ничего подобного! — отрезал Твидлди. — Ты не была бы нигде, потому что являешься всего лишь частью его сна.

— Стоит Красному Королю проснуться, — прибавил Твидлдум, — и ты — фить! — исчезнешь, растворишься как дым.

— Неправда! — в негодовании воскликнула Алиса. — И если я всего лишь часть его сна, тогда что такое вы? Вот что хотела бы я знать!

— То же самое, — сказал Твидлдум.

— То же, то же самое! — подтвердил Твидлди.

Они так кричали, что Алиса невольно приложила палец к губам и произнесла:

— Ш-ш-ш! Зачем так громко?

— А, всё-таки боишься, что он проснётся! — позлорадствовал Твидлдум. — Значит, веришь, что всего лишь снишься ему, а в действительности не существуешь.

— Нет, существую, — заплакала Алиса.

— Твои слёзы ничего не изменят — от них ты не станешь действительнее, — равнодушно заметил Твидлди. — Так что прекрати разводить сырость.

— Если б я не существовала, — улыбнулась сквозь слёзы Алиса (уж очень всё это было курьёзно), — то и плакать не могла бы.

— Ты что же, думаешь, будто слёзы твои настоящие? — презрительно воскликнул Твидлдум.

«Чепуха какая-то, — подумала Алиса. — И глупо плакать из-за этого».

Эта мысль её развеселила, и как ни в чём не бывало она спросила:

— Как вы думаете, не будет дождя? Что-то очень уж потемнело. Хотелось бы поскорее выбраться из этого леса.

Твидлдум раскрыл над собой и братом большой зонтик и выглянул из-под него:

— Нет, не думаю. По крайней мере здесь, под зонтиком. Ни в коем случае.

— Но дождь-то ведь пойдёт с неба, а зонтик только может защитить от него, — удивилась Алиса.

— А пускай идёт, если хочет, — заявил Твидлди. — Мы ничего не имеем против. Наоборот.

«Эгоисты», — подумала Алиса и собралась уже было с ними распрощаться и уйти, как вдруг Твидлдум выскочил из-под зонтика и, схватив её за руку, воскликнул прерывающимся от волнения голосом:

— Ты видишь это?

Глаза его вдруг расширились и стали совершенно жёлтыми, а дрожащий палец указывал на какой-то маленький белый предмет под деревом.

— Да это простая погремушка, — успокоила его Алиса, внимательно рассмотрев предмет, — а ты испугался, будто это гремучая змея. Обыкновенная погремушка, да к тому же ещё и сломанная.

— Я знал, знал! — закричал Твидлдум и принялся топать ногами и рвать на себе волосы. — Конечно, она сломана.

Тут он бросил злобный взгляд на братца, и Твидлди тотчас же бросился на землю, попытавшись спрятаться под зонтиком и стать как можно незаметнее.

Алиса положила руку на плечо толстячку и сказала успокаивающим тоном:

— Стоит ли так огорчаться из-за старой погремушки?

— В том-то и дело, — в бешенстве аж завизжал Твидлдум, — что она новая! Абсолютно! Я только вчера её купил! Ах какая это была замечательная, самая громкая на свете трещотка!

И он разрыдался, да так горько, что Твидлди готов был провалиться сквозь землю и умудрился залезть в зонтик, так что снаружи торчала лишь голова с выпученными глазами и беззвучно открывавшимся и закрывавшимся ртом.

«Совсем как рыба», — подумалось Алисе.

— Надеюсь, ты согласен драться, — раздался тут голос немного успокоившегося Твидлдума.

— Надеюсь, — ответил братец угрюмо и выкарабкался из зонтика. — Только пусть она поможет нам надеть доспехи.

И братья, взявшись за руки, на глазах ошеломлённой такими изменениями в их настроении Алисы отправились в лес, чтобы через минуту вернуться

с целой охапкой домашней утвари — валиков, одеял, половиков, скатертей, крышек от кастрюль и вёдер для угля.

— Всё это нужно как-то прикрепить к нам, — заявил Твидлдум.

Задача оказалась не из лёгких, и Алисе с большим трудом удалось нацепить на толстячков все эти вещи. Прилаживая валик от кушетки к шее Твидлди, она заметила:

— Это чтобы вам не отрубили голову.

— А знаешь, — ответил он совершенно серьёзно, — это одна из самых крупных неприятностей, которые только могут приключиться во время боя, — остаться без головы.

Алиса было засмеялась, но вовремя спохватилась и сделала вид, что закашлялась, чтобы толстячок не обиделся.

— Я не слишком бледный? — заволновался вдруг Твидлдум. — Привяжи мне шлем покрепче. Вообще-то я не из трусливых, просто сегодня что-то голова болит.

Алиса благоразумно промолчала и понадёжнее закрепила у него на голове кастрюлю.

— Мне хуже, чем тебе, — раздался голос соперника. — Что-то зубы сегодня разболелись, все до одного.

— Так, может, лучше отложить дуэль? — с надеждой предложила Алиса, обрадовавшись возможности восстановить мир.

— Нет, немножко всё же надо подраться, — решил Твидлдум. — Но не очень долго. Который теперь час?

— Половина пятого, — взглянув на часы, ответил Твидлди.

— Я думаю, вполне достаточно до шести, а потом пообедаем.

— Чудненько... — как-то не очень весело согласился Твидлди. — Только она пусть не вмешивается и не подходит близко, а то я обыкновенно, когда разойдусь, луплю всех, кто под руку попадёт.

— Да и я не отстану, — в запальчивости крикнул Твидлдум.

Алиса засмеялась:

— Да вы, наверно, и так всё вокруг перебьёте да переломаете, а всё из-за какой-то трещотки.

Девочка всё ещё надеялась, что благоразумие восторжествует и братья, устыдившись, не затеют драки.

— Я бы не придавал этому такого значения, — заметил Твидлдум, — не будь трещотка совершенно новой.

«Хорошо бы вот сейчас прилетел тот самый огромный Ворон», — подумала Алиса, вспомнив слова старинной песенки.

— У нас всего один меч, как ты знаешь, — обратился Твидлдум к брату. — Но можешь взять зонтик. Он такой же острый. Ну, давай уже начинать, а то скоро станет темно как в подземелье.

— И даже темнее, — согласился Твидлди.

Темнело действительно так быстро, что Алиса подумала, уж не гроза ли надвигается.

— Какая огромная туча и как быстро двигается! Что это? Да у неё как будто крылья? — воскликнула девочка.

— Это Ворон! — закричал Твидлдум в страшном испуге.

И оба брата вмиг пустились наутёк, так что лишь пятки засверкали.

Алиса тоже укрылась под большим деревом в лесу, решив, что здесь Ворон ей не страшен: птица слишком велика, чтобы протиснуться между деревьями. Но лучше бы Ворон не хлопал так своими крыльями: будто целый ураган бушует в лесу. Вон чью-то шаль подхватило и понесло как бумажку.

Шерсть и вода

Алиса поймала шаль на лету, а через минуту показалась и её хозяйка, Белая Королева, которая неслась как безумная, с широко распахнутыми объятиями, так что была похожа на огромную летящую птицу. Девочка почтительно пошла Королеве навстречу, вытянув руки с шалью перед собой.

— Я очень рада, что могу вернуть вам эту вещь, — сказала она ей, помогая Королеве накинуть шаль на плечи.

Но та лишь беспомощно смотрела на неё испуганными глазами и твердила шёпотом какую-то бессмыслицу, звучавшую словно «бут-тер-брод, бут-тер-брод».

Алиса поняла, что никакой беседы не получится, если она не начнёт сама, и несмело поинтересовалась:

— Я удостоена чести видеть саму Белую Королеву и имею удовольствие говорить с ней?

— Да-да, только какое может быть удовольствие в разговоре? Удовольствие в молчании.

Алиса решила, что не стоит затевать спор: лучше согласиться, — и, осмотрев Белую Королеву повнимательнее, подумала: «Фу, какая неряха! Всё на ней вкривь да вкось и держится на одних булавочках».

— Вы позволите поправить на вас шаль? — предложила она Королеве.

— Не понимаю, право, что с ней сделалось, с этой шалью, — ответила с грустью та. — Видно, потеряла терпение. Я и там её приколола, и здесь, но никак ей не угодишь.

— Она и не может держаться, ведь вы прикололи её на одну сторону, — сказала Алиса и деликатно исправила оплошность Королевы.

— Боже мой, а что случилось с вашими волосами? — Девочка в ужасе всплеснула руками, а Королева горестно вздохнула:

— В них запуталась щётка, никак не вытащить, а гребёнку я вчера потеряла.

Алиса осторожно вытащила из её волос щётку и, причесав как умела, заметила:

— Так-то гораздо лучше. Но, право, вам не мешало бы обзавестись горничной.

— Я с удовольствием взяла бы тебя, — обрадовалась Королева. — Два пенса в неделю, через день — варенье.

Алиса с трудом удержалась от смеха:

— Но я вовсе не собираюсь ни к кому наниматься, да и варенье меня очень мало интересует.

— Это очень хорошее варенье, — обиделась Королева.

— Верю, только сегодня мне не хочется варенья.

— А ты всё равно его сегодня и не получила бы. У меня такое правило: завтра варенье и вчера варенье, но сегодня — никогда.

— Как же так? — возразила Алиса. — Всё равно должно когда-нибудь получиться «сегодня варенье».

— Никогда не получится, — заявила Королева. — Я ведь тебе объяснила: варенье через день. А сегодняшний день разве через день? Сегодняшний день — сегодня.

— Я не могу этого понять, — сказала Алиса. — Здесь всё ужасно запутанно.

— Это оттого, что ты живёшь назад, — снисходительно заметила Королева. — Конечно, сначала может кружиться голова, трудно привыкнуть, но...

— Я живу назад? — очень удивилась Алиса. — Вот уж не подозревала. А что это значит?

— Но с другой стороны, — не обращая ни малейшего внимания на её слова, продолжала Королева, — жизнь назад имеет большое преимущество: у тебя память работает в обе стороны.

— Вряд ли... Моя память работает в одну сторону: я запоминаю только то, что уже прошло.

— О, тогда у тебя неважная память, — надула губы Королева. — Как можно помнить то, чего не было?

— Скажите мне, пожалуйста, — решилась спросить Алиса, — какие события вы помните лучше всего?

— Ну, конечно, те, что случились от этой недели через неделю, — спокойно ответила Королева, налепив себе на палец большой кусок пластыря. — Вот, например, королевский Офицер сейчас в тюрьме: отбывает наказание, — а суд над ним начнётся только в будущую пятницу. Ну и, понятно, преступление произойдёт в самом конце.

— А если он и вовсе не совершит преступления? — в недоумении спросила Алиса.

— Тем лучше. Разве нет?

Королева закрепила пластырь на своём пальце кусочком тесьмы, и Алиса поняла, что спорить бесполезно.

— Конечно, лучше, но ведь если его уже подвергли наказанию, очень нехорошо.

— Ты совершенно не права, — возразила Королева. — Тебя когда-нибудь наказывали?

— Да, но только после того как провинилась, не заранее.

— И ты становилась после этого лучше! — с торжеством воскликнула Королева.

— Да, но я сначала нашалила, а уже потом меня за это наказали. Вот в чём разница! — стояла на своём Алиса.

— А если бы ты вообще не шалила, было бы гораздо лучше, лучше, лучше и лучше! — С каждым «лучше» голос Королевы становился всё выше, пока не перешёл наконец в визг.

— Тут какое-то недоразумение... — начала было Алиса, но Королева принялась вдруг так громко стонать, что фраза так и осталась незаконченной.

Стоны между тем перешли в вопли, Королева затрясла рукой, да так, словно хотела её оторвать.

— У меня из пальца идёт кровь! Ой-ой-ой-ой! Ай-ай-ай!

Её визг походил на звук паровозного свистка, и Алисе пришлось заткнуть себе уши обеими руками, чтобы не оглохнуть.

— Что случилось? — успела она спросить в момент затишья, когда могла рассчитывать, что Королева её услышит. — Вы укололи себе палец?

— Пока нет, но скоро уколю. Ой-ой-ой!..

— Когда, вы думаете, это случится? — Алиса едва удерживалась от смеха.

— Когда буду опять прикалывать шаль, — прохныкала Королева. — Вот сейчас отстегнётся брошка у меня на груди... Ой-ой-ой!

Едва эти слова были сказаны, как брошка действительно расстегнулась, и Королева быстро её схватила.

— Осторожно! — закричала Алиса. — Вы её не так держите.

Она взялась за брошку, но было уже поздно: булавка скользнула и уколола Королеве палец.

— Вот почему шла кровь, — улыбнулась Королева. — Теперь ты понимаешь, как у нас здесь всё происходит?

— А почему же вы сейчас не плачете? — спросила Алиса, приготовившись зажать уши ладонями, чтобы не оглохнуть от воплей.

— Зачем? — спокойно сказала Королева. — Я уже выплакала всё вперёд. Какой толк опять начинать?

Стало значительно светлее.

— Наверное, Ворон улетел, — предположила Алиса. — Мне сначала показалось, будто надвигается гроза. Я так рада, что всё обошлось.

— Как бы и я хотела чему-нибудь обрадоваться! — воскликнула Королева. — Но я не могу запомнить, как это делается. Ты счастливая. Живёшь в этом лесу и можешь обрадоваться когда захочешь.

— Только здесь так пусто и одиноко, — сказала грустно Алиса, и две непрошеные слезинки медленно скатились по её щекам.

— Ой, только вот этого не надо! Умоляю! — закричала бедная Королева, заламывая в отчаянии руки. — Посмотри, какая ты большая девочка. Посмотри, сколько ты прошла сегодня. Посмотри, который час. Посмотри на что угодно, только не плачь.

Алиса не могла не улыбнуться, пусть и сквозь слёзы.

— Что же, вы перестаёте плакать, когда на что-нибудь смотрите?

— Разумеется, — уверенно сказала Королева. — Нельзя же это делать одновременно. Либо плакать, либо смотреть. Ну, давай: посмотри сначала, какая ты большая. Сколько тебе лет?

— Семь с половиной скоро. Честное слово.

— Зачем «честное слово»? — удивилась Королева. — Я и так тебе верю. А теперь и ты поверь мне. Если я скажу, что мне сто один год шесть месяцев один день, поверишь?

— Нет... этому поверить не могу, — медленно проговорила Алиса.

— Не можешь? — грустно вздохнула Королева. — А ты попробуй... Для начала закрой глаза...

Алиса засмеялась:

— Да нет, незачем и пробовать — это совершенно невозможно!

— Вероятно, у тебя было мало практики, — возразила Королева. — Когда я была в твоём возрасте, то практиковалась каждый день по получасу. Мне иногда удавалось поверить целых шесть раз во что-нибудь совершенно невозможное утром ещё до завтрака... Ой, опять эта шаль падает.

При этих словах брошка на груди Королевы расстегнулась, и внезапный порыв ветра сорвал шаль с её плеч и унёс через ручеёк. Королева, вытянув руки, помчалась следом, и на сей раз ей удалось поймать свою шаль самой.

— Поймала! — закричала она с торжеством. — Вот увидишь: теперь сама смогу её приколоть.

— Значит, палец у вас, слава богу, прошёл? — учтиво сказала Алиса и переступила вслед за Королевой через ручей.

— О, совсем не болит! — почему-то едва не провизжала Королева. — Не болит... не бо-о-лит... не бооо-лит... не бо-о-о... ни бе-е-е...

Последнее слово прозвучало так, будто его вовсе не человек произнёс, а овца проблеяла. Алиса с удивлением остановилась и посмотрела на Королеву, которая вдруг как бы окуталась шерстью. Алиса протёрла глаза и взглянула опять, не в силах понять, что произошло. Где она? Действительно в лавке? И за прилавком действительно сидит... Сколько ни тёрла глаза Алиса, ничего не менялось: она стояла в маленькой тёмной лавочке, у прилавка, и опиралась на него локтями, а напротив сидела в кресле старая Овца и вязала. Время от времени она отрывалась от работы и поглядывала на Алису через свои большие очки.

— Ну что, надумала что-нибудь купить? — спросила она наконец.

— Пока не знаю, — вежливо ответила девочка. — Можно мне сначала осмотреться?

— Ты можешь посмотреть на товары, — нравоучительно заявила Овца, — но осмотреться сама не можешь: разве только у тебя имеется ещё одна пара глаз, на затылке.

Других глаз у Алисы не было, так что пришлось ей ограничиться осмотром разложенных на полках товаров.

Лавка была забита множеством странных вещей, но самым странным было то, что каждый раз, когда Алиса останавливала свой взгляд на какой-нибудь полке, чтобы

внимательно осмотреть вещи, та вдруг оказывалась совершенно пустой, в то время как другие полки — и под ней, и над ней, — ломились под тяжестью товаров.

— Никогда не видела, чтобы вещи летали, — с досадой проговорила Алиса после того, как в течение нескольких минут тщетно следила взглядом за чем-то большим и ярким — то ли куклой, то ли шкатулкой, — но оно всякий раз переселялось полкой выше.

И тут её осенило: надо загнать эту штуку на самую верхнюю полку — ведь не скроется же она через потолок.

Но и этот план не удался: «штука» преспокойно ушла от её взгляда через потолок.

— Ты девочка или юла? — проблеяла Овца, потянувшись за очередной парой вязальных спиц. — От тебя голова идёт кругом. Разве можно так вертеться?

Она работала теперь сразу четырнадцатью парами спиц.

«Как у неё это получается? — подумала озадаченная Алиса. — Она становится с каждой минутой всё больше и больше похожей на дикобраза».

— Ты умеешь грести? — вдруг спросила Овца, протянув ей пару спиц.

— Да, немножко. Но не по земле и не вязальными спицами, — начала было Алиса, но вдруг спицы в её руках превратились в вёсла, а они с Овцой оказались в лодочке, скользящей по глади воды.

Алиса принялась грести.

— Табань! — воскликнула Овца, взяв другую пару спиц.

— Что-что? — не поняла девочка.

— Когда я говорю «табань», значит, ты должна табанить.

Слова Овцы не внесли ясности, и Алиса предпочла работать вёслами. Вода здесь была какая-то необычная: вёсла погружались в неё легко, но вытаскивать их было почему-то очень трудно.

— Табань! Ну же, табань! — закричала опять Овца и схватила ещё пару спиц. — Ты сейчас зацепишь веслом краба.

«Вот было бы здорово! — подумала Алиса. — Обожаю крабов».

— Ты что, глухая? — возмутилась Овца и взяла на сей раз целую охапку спиц.

— Ну почему же... Вы говорили достаточно громко... А где же крабы?

— В воде, конечно, — раздражённо проблеяла Овца и воткнула несколько спиц себе в голову, потому что держать их уже было нечем. — Табань, говорю тебе!

— Зачем без конца повторять слово, которого я не понимаю? — обиделась Алиса.

— Тебе и не надо понимать, — отрезала Овца. — Тебе надо табанить!

Лодка продолжала медленно скользить — то между водорослями, которые цеплялись за вёсла, так что вытаскивать их становилось ещё труднее, то под деревьями, нависавшими над водой с высоких берегов.

— Ой, смотрите! — воскликнула вдруг Алиса в порыве восторга. — Кувшинки! Настоящие кувшинки. И какие красивые!

— Нечего мне смотреть! — пробурчала Овца, не отрывая глаз от своего вязанья. — Не я их посадила в воду и не мне их вытаскивать.

— А нельзя ли нам остановиться ненадолго? Я хотела бы нарвать букет, — попросила Алиса.

— Как мы можем остановиться, если не двигаемся? — удивилась её спутница. — Двигается лодка, вот пусть она и останавливается.

Алиса перестала грести, и лодка медленно заскользила по течению, пока не врезалась в заросли кувшинок самой разной окраски. Тщательно засучив рукава, девочка погрузила руки по локоть в воду. На минуту она забыла и про Овцу, и про её вязанье. Высунувшись за борт лодки так, что кончики её рассыпавшихся волос коснулись поверхности воды, она срывала одну за другой чудные нимфеи — кувшинки.

«Только бы лодка не опрокинулась, — подумала Алиса. — Ах, какая красивая кувшинка! Жаль, не дотянусь...»

И действительно: стоило ей выдернуть из воды один цветок, как чуть дальше показывался более крупный и красивый, но его не достанешь.

— Самое красивое всегда недоступно, — вздохнула Алиса, и уселась на своё прежнее место. Её щёки раскраснелись, с рук и волос стекала вода.

Целая охапка кувшинок, в беспорядке лежавших на дне лодки, быстро увядала и теряла всю свою красоту. Но что ей было до того? Даже настоящие нимфеи, вы знаете, живут недолго, а это были порождённые грёзой, поэтому таяли как снег, сваленные кучкой у её ног. Но Алиса почти не замечала этого: другие странности отвлекли её внимание.

Они отплыли совсем недалеко, когда лопасть одного из вёсел, погрузившись в воду, вдруг словно примерзла и ни в какую не желала показываться на поверхности. Бедная Алиса не удержалась на своем сиденье и свалилась на дно лодки, прямо на кучу кувшинок, и хотя вовсе не ушиблась, от неожиданности вскрикнула.

Когда она опять поднялась, Овца невозмутимо заметила:

— Краба зацепила, вот весло и не поддаётся.

— Где? Не вижу. — Алиса перегнулась через борт и внимательно вгляделась в чёрную воду. — Будет очень жаль, если он уйдёт. Мне бы так хотелось взять домой маленького краба!

Но Овца только засмеялась презрительно и продолжила вязать.

— А здесь много крабов? — спросила Алиса.

— И крабов, и много всякого-разного. Выбор огромный. Надо только знать, чего хочешь. Ну, что ты решила купить?

— Купить? — повторила, как эхо, Алиса, отчасти с удивлением, отчасти с испугом, потому что всё: и вёсла, и лодка, и речка, — исчезло в одну минуту и они опять очутились в маленькой тёмной лавке. — Я бы купила яйцо. Сколько у вас стоят яйца?

— Пять пенсов штука, два пенса пара, — ответила Овца.

— Пара, значит, дешевле, чем одно, — удивилась Алиса, вынимая свой кошелёк.

— Только если ты купишь два, придётся съесть оба.

— Мне вполне хватит и одного. — Алиса положила деньги на прилавок, подумав при этом: «Может, они невкусные, кто их знает».

Овца взяла деньги, бросила в ящик и сказала:

— Я никогда не беру товар в руки: это негигиенично, — так что возьмёшь сама.

Она поднялась, перешла в другой конец лавки и положила на полку яйцо.

«Почему это негигиенично? Всё равно брала его руками, — недоумевала Алиса, пробираясь между столами и стульями в темноте лавки. — Странно, яйцо, по мере того, как я подхожу, как будто удаляется от меня. Фу как темно! Здесь, кажется, стул? Но что это? У него ветки... Как необычно: в лавке растут деревья. А вот и ручей... Никогда в жизни не видела такой лавки».

Чем дальше она продвигалась, тем больше удивлялась. Все предметы, стоило к ним приблизиться, превращались в деревья. Алиса было подумала, что и яйцо сейчас превратится в дерево, однако...

Однако яйцо всё продолжало расти, увеличиваться ... в объёме и, наконец, приобретать очертания человеческой фигуры. Алиса сделала ещё несколько шагов и смогла разглядеть, что у яйца имеются глаза, рот и нос, а когда подошла ещё ближе, то ясно увидела, что перед ней не кто иной, как Болванчик, собственной персоной.

«Вне всякого сомнения, это он, — сказала себе Алиса. — Только у этого пустомели фигура похожа на яйцо. Он как неваляшка — что поставь, что положи».

Яйцеобразное существо сидело, поджав под себя по-турецки ноги, наверху высокой стены, такой узкой, что Алиса не могла понять, как Болванчик ухитряется удерживать на ней равновесие. Глаза его были пристально устремлены в другую сторону, и казалось, что на Алису он не обращал ни малейшего внимания.

— Ну точь-в-точь яйцо, — сказала Алиса и вытянула руки, чтобы подхватить его: ей показалось, оно вот-вот упадёт.

— Это очень обидно, — услышала она голос сидевшего наверху и по-прежнему не смотревшего в её сторону Болванчика. — Это очень обидно, когда тебя называют яйцом. Да, очень обидно.

— Я лишь сказала, что вы похожи на яйцо, сэр, — вежливо объяснила Алиса. — А некоторые яйца, знаете, даже красивы...

Она очень надеялась, что последнее её замечание превратит первое в нечто вроде комплимента.

— У некоторых твоих собратьев, — продолжал Болванчик, глядя по-прежнему куда-то в сторону, — разум как у грудного младенца.

Алиса растерялась, не зная, что на это сказать. Во-первых, их общение вовсе не походило на разговор: он ни разу не обратился к ней, а последнее замечание было и вовсе, очевидно, обращено к дереву. Алиса стояла и тихо повторяла про себя:

Болванчик на стене
    день-деньской сидел.
Болванчик задремал
    и со стены слетел.
Пусть Король коней приводит,
    ... зовёт за ратью рать —
Никогда никто не сможет
    Болванчика на стену посадить опять.

— Последняя строчка, пожалуй, длинновата, — вслух произнесла Алиса, забыв, что Болванчик может её услышать.

— Что ты всё бормочешь? — послышалось сверху. — Лучше бы сказала, как тебя зовут и что здесь делаешь.

— Меня зовут Алиса, и...

— Какое глупое имя! — прервал её Болванчик. — Что оно обозначает?

— А разве имя должно что-нибудь обозначать? — с сомнением спросила Алиса, хотя невоспитанность яйцеобразного её вовсе не удивила.

— Конечно! — сказал он с коротким смешком. — Любое имя должно отражать какое-то качество, а вот с таким именем, как у тебя, девочка, можно вообще не иметь никаких качеств.

«Вот уж действительно Болванчик, ни дать ни взять», — подумала Алиса, но, не желая вступать в препирательства, вдруг спросила:

— А почему вы один сидите там, наверху?

— Потому что со мной никого нет, вот и сижу один! Спроси что-нибудь другое.

— А вы не думаете, что безопаснее было бы сидеть внизу, на земле? — Алиса вовсе не собиралась играть с ним в «угадайку» — просто беспокоилась, как бы он не свалился и не разбился: стена ведь такая узкая.

— Фу, какие нелепые вопросы, — проворчал Болванчик. — Разумеется, не думаю. Если бы даже я когда-нибудь и свалился — на что нет никаких шансов, — но если бы, допустим, это всё-таки случилось... — Он сложил губы бантиком, и выражение его лица стало таким торжественным и важным, что Алиса едва не покатилась со смеху. — Если бы я вдруг свалился, Король обещал мне... Можешь упасть в обморок, если угодно. Ты не ожидала, что я тебе это скажу? Правда не ожидала? Так вот: Король обещал мне — это были его собственные слова, — обещал мне, что, что...

— Пришлёт, чтоб вас поднять, всех своих лошадей и всех людей, — продолжила за него Алиса, что было очень неблагоразумно с её стороны.

— Ну, знаете, это уж чересчур! — выкрикнул Болванчик, вдруг рассвирепев. — Ты подслушивала за дверьми

и за деревьями... И в камни забиралась подслушивать... Иначе ты не могла бы знать.

— Я не подслушивала, — кротко возразила Алиса. — Это есть в книге.

— Ах так! Значит, они позволяют себе писать про меня такие вещи в книгах, — уже спокойнее сказал Болванчик. — Ну-с, в таком случае прошу посмотреть на меня повнимательнее. Я сам, самолично, разговаривал с Королём. Я! Ты, может, другого такого больше в жизни не увидишь. И чтобы доказать, что я не гордый, могу позволить тебе поздороваться со мной за руку.

Он расплылся в широкой, почти от уха до уха, улыбке и, наклонившись так, что был прямо на волосок от падения, протянул руку. Алиса, протягивая ему свою, смотрела на него с некоторым беспокойством:

«Если бы он улыбнулся чуть шире, то углы его рта встретились бы на затылке. Что случилось бы тогда с его головой? Наверное, отвалилась бы!»

— Да, всех своих лошадей и всех людей, — продолжал между тем Болванчик. — Они бы подняли меня в одну секунду. Непременно подняли бы! Однако мы далеко зашли. Давай вернёмся к твоему предпоследнему замечанию.

— Я что-то не припоминаю...

— Ну тогда всё сначала, — заявил Болванчик. — И теперь уж мой черёд выбрать, о чём мы будем разговаривать.

«Он выражается так, как будто мы с ним во что-то играем», — подумала Алиса, а Болванчик тем временем спросил:

— Так сколько тебе лет, ты сказала?

Алиса быстро подсчитала и ответила:

— Семь лет и шесть месяцев.

— Неверно! — торжествующе воскликнул Болванчик. — Ты ничего подобного не говорила.

— Я думала, вы хотите знать, сколько мне лет, — растерялась Алиса.

— Если бы хотел, я так бы и спросил.

Алиса опять, не желая вступать в спор, промолчала.

— Семь лет шесть месяцев, — задумчиво повторил Болванчик. — Неудобный возраст. Если бы ты спросила моего совета, то я бы сказал: «Остановись на семи!» — но теперь слишком поздно!

— Я никогда не спрашиваю советов, расти мне или нет! — возмутилась Алиса.

— Гордая слишком?

Алиса ещё пуще вознегодовала:

— Я хотела сказать, что человек не может приказать себе расти или не расти.

— Один человек, пожалуй, не может, но люди могут. Один человек — человек, а два чело-

века — люди. С помощью людей ты могла бы перестать расти в семь лет.

— Какой у вас красивый пояс! — произнесла вдруг Алиса, решив сменить тему: о возрасте поговорили, и если действительно предметы для разговора следовало предлагать по очереди, то сейчас очередь была её. — То есть я хотела сказать — галстук... Нет, всё-таки пояс... Впрочем, извините.

Вконец расстроившись, потому что на лице у Болванчика отразилась обида, Алиса хотела лишь одного — забыть, что коснулась этой темы.

«Если бы я могла понять, — подумалось ей, — где у него затылок, а где талия».

Болванчик, очевидно, очень рассердился, потому что некоторое время не произносил ни звука, но когда заговорил, это больше походило на хриплое ворчанье:

— Какая наглость — не уметь отличить галстук от пояса.

— Простите мне столь вопиющее невежество, — произнесла Алиса с такой кротостью и так сконфуженно, что сердце Болванчика не могло не смягчиться.

— Это галстук, дитя, и красивый, как ты сама сказала. Мне подарили его Белый Король и Королева.

Алиса обрадовалась, что наконец-то нашлась хорошая тема.

— Да, подарили, — задумчиво продолжал между тем Болванчик, заложив ногу за ногу и обхватив руками колено. — Ко дню моего нерождения.

— Виновата... — Его слова озадачили Алису.

— Виноватых бьют!

— Виновата, я не поняла, что значит «ко дню нерождения».

— Подарок, который вам делают в обыкновенный день, не в день вашего рождения. Кажется, совершенно ясно.

Алиса, немного подумав, сказала:

— Мне больше нравятся подарки ко дню рождения.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! — воскликнул Болванчик. — Сколько всего дней в году?

— Триста шестьдесят пять.

— А сколько дней рождения у тебя в году?

— Один.

— А если вычесть один из трехсот шестидесяти пяти, сколько останется?

— Триста шестьдесят четыре, конечно.

Болванчик с сомнением посмотрел на неё и сказал:

— Надо бы это проверить.

Алиса не могла скрыть улыбку, когда ей пришлось достать из кармана блокнот и карандаш и произвести вычитание письменно:

$$\begin{array}{r} 365 \\ -\ 1 \\ \hline 364 \end{array}$$

Болванчик взял у неё блокнот и, наморщив лоб, углубился в вычисления.

— По-видимому, всё правильно...

— Вы держите блокнот вверх ногами, — заметила Алиса.

— А ведь ты права, — весело согласился Болванчик, когда она перевернула блокнот в его руках как следует. — То-то

я думал, что как-то странно немного выходит. Как я уже сказал, вычисление, по-видимому, произведено правильно, хотя у меня не было времени проверить хорошенько. И выходит, что в году триста шестьдесят четыре дня, когда ты можешь получить подарок ко дню нерождения.

— Совершенно верно! — согласилась Алиса.

— И только один день для подарков ко дню рождения, — продолжал между тем Болванчик. — Понимаешь? Вот и слава тебе!

— Я не понимаю, при чём здесь слава? — не поняла Алиса.

Он презрительно усмехнулся:

— Конечно, не понимаешь... Но я объясню: я хотел сказать, что это сногсшибательный довод против тебя.

— Но слава не может сбить никого с ног, — возмутилась Алиса.

— Когда я употребляю какое-то слово, — заметил с презрением Болванчик, — оно обозначает только то, что я хочу, чтобы оно обозначало. Не больше и не меньше.

— Вопрос в том, — сказала Алиса, — можете ли вы заставить слова выражать столь различные понятия?

— Вопрос в том, — возразил Болванчик, — кто хозяин: я или моё слово. Вот и всё. Я хозяин своего слова!

Алиса была настолько сбита с толку, что промолчала, и через минуту он продолжил:

— Слова порой бывают очень упрямы — особенно глаголы: они самые гордые. Если с прилагательными можно делать что угодно, то с глаголами нет. Впрочем, я могу делать что хочу решительно со всеми словами. Белендрясы — вот что я говорю!

— Будьте добры, объясните, что это значит, — попросила Алиса.

— Вот теперь ты говоришь как умная девочка, — сказал Болванчик с довольным выражением лица. — Я понимаю под белендрясами, что довольно толковать на эту тему и что лучше бы ты рассказала, что собираешься делать дальше: ведь не думаешь же ты оставаться здесь до конца жизни?

— Это, наверное, очень трудно — заставить одни и те же слова выражать разные понятия или пытаться отыскать смысл там, где его нет, — задумчиво проговорила Алиса.

— Когда я заставляю слово выполнять такую работу, то всегда плачу ему сверхурочные, — похвалился Болванчик.

Алиса была слишком озадачена, чтобы хоть что-то сказать или спросить.

— Ты бы посмотрела, как они приходят ко мне вечером по субботам за расчётом, — сказал Болванчик, важно покачивая головой из стороны в сторону. — Денежки свои получить.

— Вы, без сомнения, очень хорошо умеете объяснять значения слов, сэр, — заметила Алиса. — Не будете ли любезны сказать, что значит «Верлиока» — так называется поэма.

— Да, ты права: я могу объяснить все стихи, когда бы то ни было, где бы то ни было и кем бы то ни было сочинённые, и много таких, которые ещё не сочинены нигде и никем. Читай.

Алиса прочла первое четверостишие:

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

— Довольно для начала, — остановил её Болванчик. — Тут много трудных слов. «Супно» — это когда варят суп, то есть перед самым обедом.

— Ах вот как! Ну а «козли»?

— «Козли» — это такие звери, похожие то на барсуков, то на ящериц. Впрочем, больше всего они похожи на штопор. Ну, «мисики», или «мышики», — это ясно: птички такие, под полом живут. «Зеленавки» — это свиньи, зелёные свиньи.

— А «хрющать»?

— «Хрющать» — это два слова в одном. Очень удобно: вместо того чтобы сказать «пищать» и «хрюкать», ты сразу говоришь «хрющать». И время выгадываешь, и место, если пишешь.

— А ещё там вначале «кругтелся»...

— Ну как же ты не понимаешь? Кажется, ясно: «кругом вертелся» — «кругтелся». Кто тебе прочёл эту поэму?

— Я сама, в книге.

— На будущее знай: я большой специалист по стихам — превосходно декламирую, между прочим. Вот послушай один стишок...

— Маленький? — с надеждой воскликнула Алиса.

— Вовсе не маленький, а очень даже длинный. Это я его так назвал: «стишок», — а на самом деле это стишина. Он тебе понравится, если поймёшь, а если не поймёшь, так вовсе не важно, понравился или нет.

Алиса тяжело вздохнула от безнадёжности и приготовилась слушать.

И Болванчик начал:

Когда поля в снегу зимой —
Пою тебе, друг милый мой.

Прервав декламацию, он пояснил:

— Только я не пою, а сказываю.

— Я вижу, — отозвалась Алиса.

— Если видишь, как человек не поёт, а сказывает, — рассердился Болванчик, — у тебя очень острое зрение.

Зелёной вешней порою
Я песни смысл тебе открою.

— Благодарю вас, — вставила Алиса.

В дни лета, глядя на цветы,
Её поймёшь, быть может, ты.
Во мраке осени сыром
Ты запиши её пером.

— Запишу, если до тех пор не забуду, — пообещала Алиса.

— Да помолчи ты! Твои замечания лишают меня вдохновения.

Я рыбкам разослал приказ:
— Вот что угодно мне от вас!
Они из глубины морской
Ответ прислали мне такой:
— Никак нельзя на этот раз
Исполнить, сударь, ваш приказ.

— Я что-то ничего не понимаю... — сказала Алиса.

— Дальше пойдёт легче, — успокоил её Болванчик и продолжил, слегка подвывая:

Я им приказ послал опять:
— Извольте сразу исполнять!
Они, осклабясь, мне в ответ:
— Вам так сердиться смысла нет.
Сказал я раз, сказал я два...
Напрасны были все слова.

Тогда на кухню я пошёл
И разыскал большой котёл.
В груди стучит... В глазах туман...
Воды я налил полный чан!
Но кто-то мне пришёл сказать:
— Все рыбки улеглись в кровать.
Тут снова отдал я приказ:
— Так разбудить их сей же час!
Ему я это повторил
И крикнул в ухо из всех сил.

Болванчик прокричал последние строки так громко, что Алиса вздрогнула:

Но он сказал мне, горд и сух:
— К чему кричать?.. Хорош мой слух.
И горд, и сух, сказал он мне:
— Я б разбудил их, если б не...
Тут с полки штопор я схватил
И разбудить их сам решил.
Но дверь нашёл я запертой:
Тянул, толкал, стучал... Постой!
Дверь отворить немудрено.
Схватился я за ручку, но...

Наступила длинная пауза.

— Это всё? — с робкой надеждой спросила Алиса.

— Всё, — сказал Болванчик. — Прощай.

Это прозвучало несколько неожиданно. Но намёк на то, что ей следует уйти, был настолько очевиден, что оставаться Алиса сочла неприличным.

Девочка поднялась и протянула Болванчику руку:

— До скорого свидания.

— Если доведётся встретиться, я тебя не узнаю, — недовольно пробормотал тот и протянул ей один палец. — Все люди на свете так похожи.

— Дело не в наружности, — назидательно сказала Алиса.

— Об этом-то я и сокрушаюсь. У тебя такое же лицо, как у всех: два глаза, — он нарисовал их в воздухе большим пальцем, — между ними нос, под носом — рот. Всегда одно и то же. Вот если бы у тебя оба глаза были с одной стороны носа или рот наверху — тогда другое дело.

— Но это же некрасиво! — возразила Алиса.

Болванчик ничего не сказал — только зажмурился.

Алиса подождала немного — не заговорит ли опять, — но увидела, что глаза у него закрыты и вообще он не обращает на неё больше никакого внимания. Ещё раз попрощавшись, но не получив никакого ответа, она пошла прочь. Но Алиса не могла удержаться, чтобы мысленно не сказать себе: «Из всех пренесимпатичнейших людей, — она ещё раз повторила это слово «пренесимпатичнейший» — но уже погромче, так ей понравилось это длинное слово, которое она с легкостью выговорила: — Из всех пренесимпатичнейших людей, с которыми мне приходилось когда-либо встречаться, этот...»

Но фраза так и осталась незаконченной, потому что в этот момент по лесу прокатился оглушительный грохот.

Лев и Единорог

И тотчас лес наполнился солдатами. Сначала они выбегали по двое, по трое, потом группами в десять-двадцать человек и, наконец, такими толпами, что, казалось, деревьев в лесу меньше, чем солдат. Алиса спряталась за толстым стволом старой липы, чтобы её не сбили с ног, и стала наблюдать за их действиями.

Чем дольше она смотрела, тем сильнее в ней крепла уверенность, что никогда в жизни ей не встречались солдаты, которые так нетвёрдо держались бы на ногах. Они всё время обо что-нибудь спотыкались, а когда кто-то из них падал, на него валились ещё несколько. Скоро все лесные полянки покрылись такими кучками свалившихся людей.

Потом появились лошади, и хотя на четырёх ногах они держались получше пехотинцев, но тоже то и дело спотыкались. Как правило, если конь спотыкался, всадник валился с него мешком. С каждой минутой хаос усиливался, и Алиса была очень рада, когда ей удалось выбраться на

открытое место, где она и увидела Белого Короля. Тот сидел на земле и усердно что-то записывал в свою записную книжку. Заметив Алису, он с восторгом воскликнул:

— Я послал их всех! Ты же видела солдат, когда проходила через лес?

— Видела, и премного, — кивнула Алиса. — Несколько тысяч, я думаю.

— Четыре тысячи двести семь человек, если точнее, — поправил Король, заглянув в свои записи. — Я не мог, понимаешь ли, послать всех Коней, потому что два необходимы для игры. Кроме того, я оставил двух Офицеров — оба отправились в город. Посмотри, пожалуйста, на дорогу, нет ли кого там.

— Никого не вижу, — отозвалась Алиса.

— Эх, мне бы такое зрение, — горестно вздохнул Король, — чтобы тоже уметь видеть Никого, да ещё на таком расстоянии. Я и Кого-то не разгляжу при таком свете!

Это замечание Алиса пропустила мимо ушей и продолжила, сложив ладошку козырьком, вглядываться в даль.

— Кто-то идёт, — воскликнула она наконец, — но очень-очень медленно и делает какие-то смешные движения.

Офицер, что шёл по дороге, подпрыгивал и извивался как угорь, а его длинные руки были вытянуты в разные стороны наподобие крыльев.

— Ничего смешного, — заметил Король. — Его поведение показывает, что он счастлив. Его имя Саймар.

— Я люблю моего милого на «эс», — начала Алиса, вспоминая папину присказку, — потому что он Счастливчик. Я ненавижу его на «эс», потому что Сердитый. Я кормлю его... кормлю на «эс»: Сливками и Сеном. Его зовут Саймар, и живёт он...

— И живёт он в Степи, — подсказал Король. — А другого моего офицера зовут Гатто. У меня их два: один приходит, другой уходит; один живёт — другой всё жуёт.

— Прошу прощения... — начала Алиса.

— Попрошайничать неприлично, — перебил её Король.

В это время Офицер подошёл к ним, но так запыхался, что не в состоянии был вымолвить ни слова, а только размахивал руками и строил бедному Королю ужаснейшие гримасы.

— Вы меня пугаете! — воскликнул Король. — Я того и гляди упаду в обморок. Дайте мне скорее бутерброд с ветчиной.

К великому изумлению Алисы, Офицер открыл сумку, которая висела у него через плечо, и достал бутерброд.

Король тут же с жадностью его проглотил и потребовал:

— Дайте ещё!

— Больше ничего не осталось, кроме сена, — ответил Офицер, заглянув в сумку.

— Дайте хоть сена, — в полуобморочном состоянии, чуть не падая, прошептал Король.

Алиса обрадовалась, увидев, что, сжевав клочок сена, Белый Король сразу повеселел.

— Нет ничего похожего на сено, — заявил он, проглотив последнюю былинку. — Вот у меня обморок уже и прошёл.

— Я думаю, лучше было бы сбрызнуть вас водой, — возразила Алиса, — или дать вам нюхательной соли.

— Я не сказал «нет ничего лучше сена», — возмутился Король. — Я сказал «нет ничего похожего на сено».

— Кого вы обогнали по дороге? — обратился Король к Офицеру и протянул руку за очередной порцией сена.

— Никого.

— Вы говорите правду. Эта молодая особа тоже его видела. Выходит, что Никто ходит медленнее вас.

— Я делаю всё, что могу, — проворчал Офицер. — Никто меня не обгонит — уверен.

— Конечно, не обгонит, — согласился Король. — Иначе он пришёл бы сюда раньше вас. Ну что, вы, кажется, оправились? Рассказывайте, что произошло в городе.

— Я не могу рассказать — только прошептать. — Офицер сложил руки трубой у своих губ и наклонился к самому уху Короля.

Алиса огорчилась, потому что тоже хотела бы услышать городские новости, однако, вместо того чтобы прошептать, он гаркнул во всё горло:

— Они опять там!

— Вы называете это «прошептать»? — воскликнул бедный Король, вскочив и отряхиваясь. — Если позволите себе ещё что-нибудь подобное, вас посадят в тюрьму. Вы устроили в моей голове целое землетрясение.

«Это было весьма слабенькое землетрясение», — заключила Алиса и отважилась спросить:

— Кому это опять не живётся спокойно в городе?

— Как кому? Льву и Единорогу, конечно.

— Дерутся из-за короны?

— Ясное дело! И самое курьёзное в этом деле, что корона-то моя. Побежим посмотрим на них.

И опять Алиса очень кстати вспомнила слова старой песенки:

Раз за царскую корону бились Лев с Единорогом.
А потом Единорога Лев гонял по всем дорогам.
Кто им хлеба дал, кто булки, дали пряников обоим,
Но из города прогнали с барабанным громким боем.

— Тот, кто... победит... получит корону? — на бегу спросила Алиса прерывающимся голосом — очень уж быстро пришлось бежать.

— Господи! Конечно, нет! — успокоил её Король. — Что за глупая мысль!

— Не будете ли... вы... так добры... остановиться... — выдавила из себя Алиса. — Минутку... передохнуть...

— Добр я достаточно, а вот силён — нет. Понимаешь, минута проходит так быстро, её не остановишь. Проще поймать жар-птицу.

Алиса была не в состоянии больше произнести ни слова, и они бежали молча, пока не увидели большую толпу, в центре которой бились Лев и Единорог. Их окутывало такое густое облако пыли, что Алиса сначала не могла разглядеть, кто из них кто, но скоро различила — по рогу.

Остановившись, они оказались рядом с Гатто, вторым королевским Офицером. Он наблюдал за битвой с чашкой чая в одной руке и куском хлеба с маслом — в другой.

— Он только что из тюрьмы, — шепнул Алисе Саймар, первый королевский Офицер. — Даже чай допить не успел, когда его забрали. А там его вообще ничем не кормили, кроме раковин от устриц, поэтому его мучит голод и жажда.

Гатто кивнул и опять занялся своим бутербродом.

— Как поживаешь, дорогое дитя? — спросил Саймар и обнял Гатто. — Оправился ли после тюрьмы? — продолжал спрашивать Саймар.

Гатто ещё раз обернулся. Несколько слезинок скатилось по его щекам, но он опять не сказал ни слова.

— Ты что, не умеешь говорить? — раздражённо воскликнул Саймар.

Но Гатто продолжал жевать хлеб и запивать чаем, не меняя выражения лица.

— Ты не хочешь говорить? — вышел из себя Король. — Как там дела у противника?

Второй королевский Офицер проглотил наконец большой кусок хлеба с маслом и, заикаясь, промямлил:

— У них... всё очень хорошо. Каждый повалялся на земле уже около восьмидесяти семи раз.

— Так им, наверное, скоро уже принесут хлеб и пряники, — осмелилась предположить Алиса.

— Хлеб уже есть — мне вот кусочек достался.

Как раз в этот момент в битве Льва и Единорога наступил перерыв. Противники сели, тяжело дыша, на землю, и Король воскликнул:

— Десять минут для подкрепления сил.

Королевские Офицеры тотчас же взялись за дело. Заранее были приготовлены большие подносы с горами нарезанного хлеба, чёрного и белого, и они принялись им обносить присутствующих. Алиса тоже взяла кусочек попробовать, но хлеб оказался жёстким как камень.

— Я думаю, сегодня они вряд ли будут ещё драться, — сказал Король, обращаясь к своему второму Офицеру. — Передай барабанщикам приказ начинать.

И Гатто побежал, подскакивая как кузнечик.

Несколько минут Алиса стояла молча, наблюдая за ним, и вдруг просияла.

— Смотрите, смотрите! Сюда бежит сама Белая Королева. Она только что вылетела из вон того леса... Как же они быстро бегают, эти шахматные Королевы!

— Очевидно, за ней кто-то гонится, — спокойно сказал Король, даже не обернувшись. — В этом лесу полно врагов.

— Разве вы не хотите ей помочь? — удивилась Алиса.

— Зачем? — пожал плечами Король. — Она летает как птица. Но я всё же сделаю насчет неё пометку в своей записной книжке... Она такое чудное существо, такое чудное существо...

В этот момент мимо них, заложив руки в карманы, важно прошествовал Единорог и бросил мимоходом Королю:

— Сегодня я победил.

— Ну да, ненамного... — вдруг почему-то занервничал Король. — Но вы не должны были протыкать его рогом. Зачем вы это сделали?

— Это ему нисколько не повредило, — беззаботно отмахнулся Единорог и хотел было продолжить путь, но в этот момент заметил Алису.

Чрезвычайно удивившись, он остановился и уставился на неё с видом крайнего отвращения, а потом произнёс, медленно выговаривая слова:

— Что... это... такое?..

— Это человеческий детёныш, — засуетился Саймар. — Мы только сегодня его нашли. — Желая лучше представить Алису, он начал активно жестикулировать.

— Мне всегда казалось, что дети — это сказочные чудовища, — признался Единорог. — Оно хоть живое?

— И даже говорить умеет! — воскликнул первый королевский Офицер.

Единорог мечтательно посмотрел на Алису и попросил:

— Скажи что-нибудь, детёныш.

Алиса не могла сдержать улыбку и вежливо сказала:

— Как и вы, я тоже всегда думала, что единороги — сказочные чудовища, и никогда раньше не видела живого Единорога.

— Но теперь, когда мы наконец увидели друг друга, предлагаю тебе сделку: я поверю в тебя, если ты поверишь в меня. По рукам?

— Как вам будет угодно...

— А не полакомиться ли нам по такому случаю пирогом со сливами? — предложил Единорог, обернувшись к Королю. — Чёрствый чёрный хлеб терпеть не могу!

— Конечно, разумеется, — забормотал Король и, поманив к себе первого Офицера, прошептал: — Открой-ка сумку, да поживее. Не эту, эта набита сеном.

Саймар вынул из сумки большой пирог и передал Алисе, чтобы она его подержала, пока он доставал блюдо и огромный нож. Как всё это могло поместиться в его сумке, Алиса никак не могла понять и решила, что он фокусник.

Тем временем к ним присоединился и Лев. Выглядел он чрезвычайно уставшим и сонным, глаза то и дело закрывались.

— А это что такое? — уставился он на Алису. Голос у него был глухой, какой-то трубный, словно колокол гудит.

— А вы как думаете? — оживился Единорог. — Никогда не угадаете. Я так и не смог.

Лев перевёл усталый взгляд на Алису и спросил, зевая после каждого слова:

— Ты кто: животное, растение или минерал?

— Это сказочное чудовище! — не дал ответить девочке Единорог.

— Ну и ладно. Какая разница, если есть пирог со сливами. — Лев растянулся на земле и повернулся, положив голову на лапы, к Единорогу и Королю: — Да вы присаживайтесь. Только с пирогом чтобы по-честному.

Королю было явно неудобно сидеть между этими двумя огромными тварями, но другого места не оказалось.

— Вот удобный случай сразиться за корону, — съехидничал Единорог, поглядывая на бедного шахматного Короля.

Тот так затрясся, что корона чуть не свалилась с его головы.

— Я бы легко победил, — лениво проговорил Лев.

— А я в этом сомневаюсь, — возразил Единорог.

Лев рассердился и даже приподнялся:

— Как это? Кто вас вокруг города гонял? Вы! Цыплёнок!

Тут Король поспешил вмешаться, чтобы не дать разгореться ссоре. Он очень нервничал, и голос у него дрожал:

— Вокруг всего города? Какая прекрасная долгая прогулка! Вы как бежали — через старый мост или через рынок? Через старый мост дорога покрасивее будет.

— Право, не знаю, — проворчал Лев и опять улёгся. — Столько пыли было, что ничего не разберёшь. Что это Чудовище так долго возится там с пирогом?

Алиса тем временем на берегу ручейка, пристроив блюдо себе на колени, усердно пилила пирог ножом, но у неё ничего не получалось: стоило отрезать несколько кусков, как они тотчас же опять срастались. Понаблюдав за её мучениями, Единорог понял, в чём дело, и дал ей совет:

— Ты не умеешь обращаться с зазеркальными пирогами. Сначала обнеси, а потом режь.

Это предложение казалось совершеннейшей нелепостью, но Алиса послушно встала, подошла с блюдом к каждому, и пирог сам разделился на три части.

— Теперь можно и разрезать, — проговорил Лев, когда она вернулась на своё место с пустым блюдом.

— Это жульничество! — воскликнул Единорог, пока Алиса сидела с ножом в руке, недоумевая, что делать. — Льву досталось вдвое больше, чем мне.

— Ты что, не любишь пирог со сливами, Чудовище? — спросил у Алисы Лев. — Себе ничего не оставило...

Но прежде чем она успела ответить, загрохотали барабаны. Откуда исходит шум, понять было невозможно: казалось, не только воздух наполнился барабанным боем, но грохот этот проник и к ней в голову. Испугавшись, что оглохнет, Алиса вскочила и в страхе перепрыгнула через ручей.

Прежде чем упасть на колени и закрыть ладонями уши, она успела заметить, как Единорог и Лев поднялись на ноги, сердитые и недовольные, что помешали их пиршеству.

«Ну, уж если это не выбарабанит их из города, — подумала Алиса, — тогда никогда ничего с ними не произойдёт».

«Это моё собственное изобретение»

Спустя некоторое время шум мало-помалу прекратился, и наступила мертвая тишина. Алиса, ещё испуганная, подняла голову. Сначала она подумала, что Лев и Единорог ей приснились, однако большое блюдо, на котором она пробовала резать пирог со сливами, никуда не делось. Значит, это не был сон.

Покуда она собиралась с мыслями, до её слуха донеслись громкие крики: «Эй, эй! Шах!» — и в тот же миг перед ней предстал Рыцарь в красных доспехах, на Коне, с увесистой дубинкой в руках. Поравнявшись с Алисой, его Конь сразу остановился.

— Ты моя пленница! — выкрикнул Рыцарь и рухнул на землю.

Как ни была удивлена Алиса, всё же испугалась больше за рыцаря, чем за себя, и успокоилась лишь тогда, ког-

да он опять взобрался на седло и удобно там устроился. Но едва это произошло, как с другой стороны раздались такие же крики: «Эй, эй! Шах!»

Алиса обернулась, чтобы посмотреть, кто это на сей раз, и увидела Белого Рыцаря. Подскакав ближе, он свалился с Коня точно так же, как перед тем Красный, затем неуклюже взобрался в седло. Некоторое время оба Рыцаря молча смотрели друг на друга, а Алиса с удивлением наблюдала за ними.

— Она моя пленница, вы поняли это? — сказал наконец Красный Рыцарь.

— Да, но я подъехал и освободил её, — возразил Белый.

— Отлично. Тогда всё решит дуэль. — Красный Рыцарь надел на голову шлем, который болтался у него сбоку седла и напоминал своей формой лошадиную голову.

— Надеюсь, вы будете соблюдать правила боя, — заметил Белый Рыцарь, тоже надев шлем.

— Как, впрочем, и всегда! — заверил Красный Рыцарь, и они бросились друг на друга с такой яростью, что Алисе пришлось спрятаться за дерево, чтобы ненароком не попало и ей.

Наблюдая из своего укрытия за битвой, девочка размышляла: «Не понимаю, в чём заключаются эти правила боя. Первое правило, по-видимому, это когда один Рыцарь хлопнет другого, то вышибает его из седла, а если промахнётся — вылетает

из седла сам. А другое правило, наверное, касается дубинок, которые они держат в руках, как Панч и Джуди. Ну и грохоту от них, когда они падают! Будто сто человек разом ударили кочергой по каминной решётке. А как спокойны их кони! Будто деревянные столы — хочешь — вались с них, хочешь — обратно взбирайся!..»

Ещё одно правило боя Алиса не заметила. Оно заключалось в том, что рыцари постоянно падали на голову.

Бой кончился тем, что они свалились таким образом в разные стороны, а когда поднялись, то пожали друг другу руки, а затем Красный Рыцарь сел на своего Коня и ускакал.

— Это была славная победа, правда? — сказал Белый Рыцарь, переводя дух.

— Не знаю, — усомнилась Алиса. — Мне вовсе не хочется быть чьей-то пленницей, я хочу стать шахматной Королевой.

— Ты и станешь ею, когда перейдёшь через ближайший ручей. Я провожу тебя до опушки, а потом мне придётся вернуться: дальше ведь хода для меня нет.

— Благодарю вас! — обрадовалась Алиса. — Давайте я помогу вам снять шлем.

Было очевидно, что Рыцарь сам не мог освободиться от головного убора. Кое-как Алисе удалось вытрясти его из шлема.

— Спасибо. Дышать стало намного легче. — Рыцарь, откинув назад жидкие волосы, повернул к Алисе своё симпатичное лицо с большими кроткими глазами. Девочка подумала, что никогда ещё не видела такого странного воина. Он был облачён в жестяные латы, очень плохо на нём сидевшие, а к плечам его была прикреплена перевёрнутая вверх дном странной формы шкатулка, крышка которой болталась на одной петле. Алиса посмотрела на эту шкатулку с большим любопытством.

— Я вижу, тебе нравится моя шкатулочка, — улыбнулся Рыцарь. — Это моё собственное изобретение. Я держу в ней

платье и бутерброды. Ты видишь, крышка у неё внизу — это чтобы дождь не попадал.

— Но ведь вещи могут вывалиться, — деликатно заметила Алиса. — Вы знаете, что крышка открылась?

— Нет, я этого не знал... — По его лицу пробежало облачко досады. — Так все вещи, наверное, и вывалились? Тогда зачем шкатулка, если нет вещей...

Он отстегнул шкатулку и хотел было бросить в кусты, но у него вдруг возникла, по-видимому, какая-то мысль, потому что он бережно повесил шкатулку на дерево.

— Догадываешься, зачем я это сделал? — спросил он Алису.

Та лишь покачала головой.

— Я подумал: может, здесь поселятся пчёлы, и тогда у меня будет мёд.

— Но ведь к вашему седлу уже привязан улей или что-то в этом роде, — заметила Алиса.

— Да, это очень хороший улей, — согласился Рыцарь, хотя тон у него при этом был очень недовольный. — Самого лучшего сорта. Только вот до сих пор ни одна пчела почему-то даже близко к нему не подлетела. А другая штука — это мышеловка. Должно быть, мыши отпугивают пчёл, или, может быть, пчёлы отпугивают мышей. Я не могу разобраться.

— Не понимаю, зачем вам в седле мышеловка? Разве на спине у лошади могут водиться мыши?

— Может, и не могут, — легко согласился Рыцарь, — А что, если всё-таки могут? Во всяком случае я вовсе не желаю, чтобы они здесь шмыгали.

Он немного помолчал и добавил:

— Понимаешь, надо всё предусмотреть и быть готовым ко всему. Вот, например, железные кольца с шипами на ногах у лошади. Разве можно без них?

— А для чего они? — с удивлением спросила Алиса.

— А это чтобы акула не укусила лошадь за ногу. Тоже моё изобретение. А теперь пойдём, провожу тебя до опушки. Кстати, что это за блюдо?

— На нём лежал сливовый пирог.

— Давай возьмём его с собой, — предложил Рыцарь. — Блюдо нам очень пригодится, если найдём пирог. Помоги мне засунуть его в эту сумку.

На это ушло немало времени, хотя Алиса старательно держала сумку широко открытой. Дело в том, что Рыцарь был очень неловок. Несколько раз, пытаясь запихнуть в сумку блюдо, он сам падал в неё.

— Очень уж плотно набита, — оправдываясь, сказал он, когда ему наконец удалось запихнуть блюдо в сумку. — Это всё из-за подсвечников.

И он подвесил сумку к седлу, где уже болтались пучки моркови, утюги и другие самые разные вещи. Когда они наконец тронулись в путь, Рыцарь спросил:

— Ты, конечно, хорошо закрепила свои волосы?

— Да, как обычно, — улыбнулась Алиса.

— Этого недостаточно, — забеспокоился Рыцарь. — Ты видишь, какой здесь ветер. Прямо с ног сбивает!

— А вы что, может быть, придумали способ, как сделать, чтобы волосы не унесло ветром? — осведомилась Алиса.

— Пока нет. Но зато я придумал средство против выпадения волос.

— Интересно было бы узнать.

— Просто, как всё гениальное. Берём палку, наматываем на неё волосы и поднимаем вертикально вверх, чтобы они вились вокруг неё, как дикий виноград или плющ. Вот и всё. Почему волосы падают? Потому что висят вниз. Наверх вещь ведь упасть не может. Это тоже моё собственное изобретение. Можешь испробовать, если хочешь.

Алиса подумала, что вряд ли удобно носить палку на голове, да ещё в вертикальном положении, но промолчала.

Так они шли, время от времени останавливаясь, поскольку Рыцарь не был хорошим наездником и его приходилось поддерживать.

Как только лошадь останавливалась (а происходило это очень часто), Рыцарь валился вперёд, через её голову, а когда лошадь рывком двигалась вперёд, рыцарь валился назад, через хвост. Остальное время он сидел в седле довольно крепко, не считая тех случаев, когда валился вдруг то вправо, то влево. Большей частью его тянуло в ту сторону, где шла Алиса, поэтому она на всякий случай решила держаться немного поодаль.

— Вы, по всей вероятности, мало ездите верхом, — позволила себе заметить Алиса, после того как помогла Рыцарю подняться в пятый раз.

— С чего ты взяла? — чрезвычайно удивился и даже немного обиделся Рыцарь. При этом, садясь в седло, схватился за волосы Алисы, чтобы не свалиться на другую сторону.

— Уж больно часто вы падаете с лошади.

— У меня огромная практика, — важно заметил Рыцарь. — Огромная практика.

Алиса позволила себе усомниться в достоверности его слов, но благоразумно промолчала, дабы не разгорелась ссора.

— Главный секрет верховой езды, — начал вдруг Рыцарь громким голосом и взмахнул правой рукой, — главный секрет верховой езды — это...

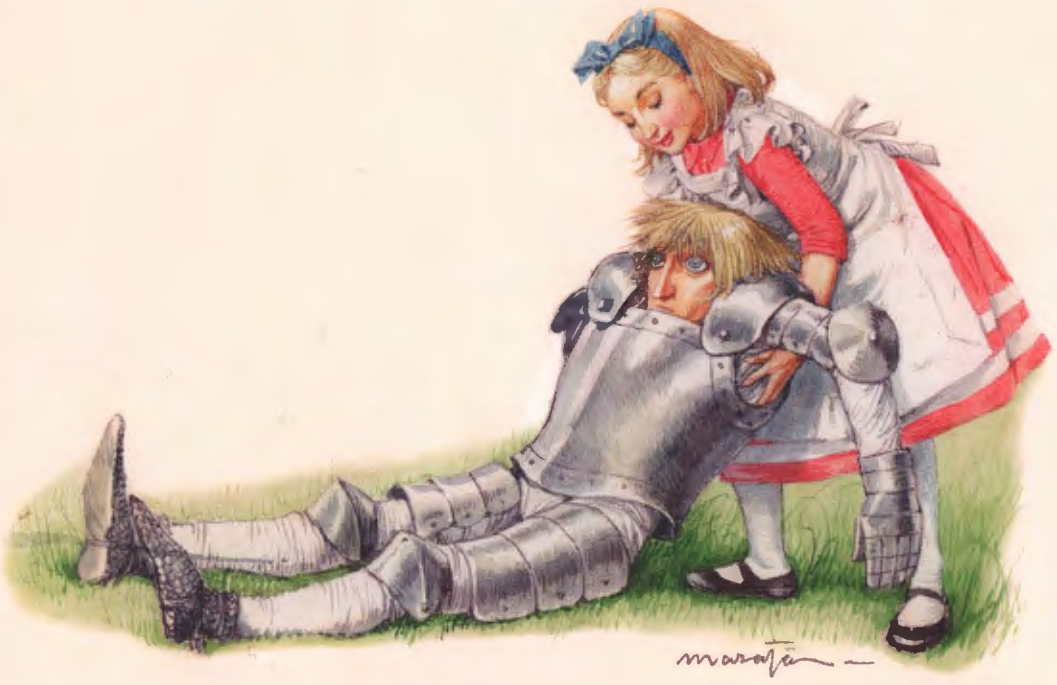
Фраза осталась незаконченной. Алиса не услышала, в чём же главный секрет, потому что Рыцарь свалился через шею лошади вниз головой, да ещё почти прямо на неё.

На сей раз Алиса так испугалась, что, поднимая горемыку, с беспокойством спросила:

— Все кости целы? Ничего себе не сломали?

— Ничего такого, о чём стоило бы беспокоиться, — заявил Рыцарь, будто вовсе был не против сломать себе кость-другую. — Позволю себе закончить свою мысль. Главный секрет верховой езды — это умение держать равновесие. Вот так...

Он отпустил поводья и вытянул руки, желая проде-



монстрировать, что он, собственно, имел в виду, и рухнул прямо под копыта своего коня, но на этот раз на спину.

— У меня огромная практика, — бормотал себе под нос Рыцарь, пока Алиса хлопотала, пытаясь поставить его на ноги. — Огромная...

— Это уже чересчур! — наконец потеряла терпение Алиса. — Вам только на деревянной лошадке на колёсах ездить!

— А что, они поспокойнее? — заинтересовался Рыцарь, уцепившись обеими руками за шею лошади. И хорошо сделал, иначе упал бы опять.

— Гораздо спокойнее, как раз для вас. — Как ни старалась, Алиса не могла удержаться от смеха.

— Надо подумать, где раздобыть такую лошадь, — совершенно серьёзно проговорил Рыцарь. — Или даже пару.

Некоторое время он пребывал в глубокой задумчивости, а потом переключился на любимую тему:

— Как ты, видимо, успела заметить, я большой мастер на выдумки. Всё думаю, думаю, изобретаю... Когда ты в последний раз меня поднимала, у меня был задумчивый вид, помнишь?

— Да, я обратила внимание, — сказала Алиса.

— Потому что в ту минуту я как раз изобретал новый способ перебираться через забор. Хочешь поделюсь?

— Это очень интересно, — вздохнула Алиса.

— Сначала расскажу, как я до этого дошёл, — начал Рыцарь. — Понимаешь, я подумал: основная трудность с ногами. Голова-то до верха забора достаёт, а вот ноги... Так вот: сначала я кладу голову на верх забора — и значит, она на должной высоте; потом становлюсь на голову, и наверх поднимаются ноги, — значит, и они на должной высоте. Понимаешь? И тогда я уже по ту сторону забора.

— Пожалуй, на той стороне вы очутитесь, если всё это проделаете. Но ведь это будет же довольно болезненно!

— Я ещё не пробовал, — серьёзно сказал Рыцарь, — так что наверняка сказать не могу. Хотя, боюсь, действительно будет немножко больно.

Очевидно, эта мысль так огорчила его, что Алиса поспешила переменить предмет разговора:

— Какой у вас странный шлем. Это тоже ваше изобретение?

Рыцарь бросил гордый взгляд на упомянутый предмет, который болтался под седлом.

— Да, но это не самое лучшее моё изобретение: есть ещё сахарная голова. Когда я падаю в нём с лошади, он упирается острым концом в землю, тем самым смягчая удар. Но тут, конечно, есть другая опасность: упасть в него, — как однажды со мной и случилось. И самое неприятное: прежде чем я успел из него вылезти, подъехал другой Белый Рыцарь и водрузил его себе на голову, подумав, что это его собственный шлем.

Рыцарь говорил так серьёзно, что Алиса не осмелилась засмеяться, только заметила:

— Так вы, наверно, сделали ему больно, когда вы очутились на голове?

— Конечно, мне пришлось его лягнуть, чтобы снял наконец шлем. Почти целый день меня вытаскивали из шлема, а вылез я с молниеносной быстротой.

— Какая же это молниеносная быстрота, если вы вылезали почти целый день? — возразила Алиса.

Рыцарь покачал головой.

— Это ещё что! Я могу действовать с любой быстротой, будь уверена.

Он в возбуждении поднял руки — и тот же миг скатился с седла и упал головой в канаву с водой.

Алиса подбежала к краю канавы и, увидев торчавшие из воды подошвы, успокоилась. Её немного удивило его падение, потому что последние полчаса он сидел довольно уверенно.

Но вот из канавы послышался его голос, не изменивший даже тона:

— С любой быстротой. Но с его стороны было довольно неосторожно надевать себе на голову чужой шлем — да ещё с хозяином внутри.

— Как вы можете спокойно разговаривать, стоя на голове? — поразилась Алиса.

Ухватив его за ногу, она поднатужилась и вытащила его из канавы, и он продолжил разглагольствовать.

— А какая разница? — удивился он вопросу Алисы. — Не всё ли равно, в каком поло-

жении моё тело? Мозг ведь продолжает работать одинаково. И даже чем ниже у меня голова, тем больше я изобретаю.

Он надолго замолчал, потом заговорил снова:

— Самое гениальное моё изобретение — это новый пудинг: его рецепт я придумал, пока ел жаркое.

— Чтобы его успели приготовить в качестве следующего блюда? — поинтересовалась Алиса, чтобы не казаться невежливой. — Да, это действительно быстрота.

— По правде, — застенчиво чуть ли не прошептал Рыцарь, — этот пудинг вряд ли когда-нибудь был приготовлен, хотя он был бы чудесный, уверен.

— Поделитесь рецептом, — попросила Алиса, надеясь подбодрить Рыцаря: бедняга совсем, казалось, упал духом.

— Его основа — промокательная бумага.

— Мне кажется, это не очень вкусно...

— Сама по себе она невкусная, — вдруг оживился Рыцарь. — Но ты и понятия не имеешь, какая получается вкуснотища, если смешать её как следует в определённых

пропорциях с другими веществами — с порохом, например, сургучом... А теперь я должен с тобой попрощаться.

Они вышли как раз на опушку леса.

Алиса с недоумением смотрела на него, не успев ещё переключиться с мыслей о весьма необычном пудинге.

— Ты грустная, — обеспокоился Рыцарь. — Хочешь, спою тебе балладу, чтобы утешить?

— Длинную? — Алиса уже наслушалась за день стихов, и не все, мягко говоря, ласкали слух.

— Да, но очень красивую. Она вызывает у слушателей или слёзы, или...

— Или что? — спросила Алиса, потому что Рыцарь вдруг остановился.

— Или не вызывает слёз. Её название «Рыбьи глаза».

— Так она называется? Неужели? — постаралась проявить интерес Алиса.

— Нет, ты не понимаешь! — воскликнул Рыцарь с досадой. — Это её название так называется. А сама она называется «Старый старичок».

— Ах, так это её название!

— Да ничего подобного! — воскликнул Рыцарь. — Я же говорю тебе: она только называется так. А на самом деле она зовется «Так и этак».

— Ну хорошо, — согласилась Алиса, совершенно сбитая с толку. — Что за баллада?

— Вот сейчас и узнаешь. Я к этому и иду. Настоящее её заглавие: «Сижу на заборе». А музыку я придумал сам.

С этими словами он остановил лошадь и опустил поводья ей на шею. Медленно отбивая такт одной рукой,

он запел. При этом его наивные голубые глаза и такое милое лицо осветились лёгкой улыбкой. Видно было, что ему очень нравилась придуманная им самим музыка. Алиса уселась под деревом и, заслонив рукой глаза от проникавшего сквозь ветви солнца, принялась слушать.

Меланхолическая музыка скоро навеяла на неё дремоту. «Но музыку сочинил вовсе не он. Это мотив старой песенки», — подумалось ей. И хотя слушала Алиса очень внимательно, слёзы на её глазах не показались.

Я всё скажу тебе, дружок,
Ты всё узнаешь вскоре.
Я видел: старый старичок
Уселся на заборе.
— Чем ты живёшь?..
Кто ты и что?..
Старик, скажи мне это!..
Но пропустил я в решето
Слова его ответа.

— На мотыльков
в полях весной
Устраиваю ловлю:
Из них потом
я фарш мясной
На пирожки готовлю.
Их морякам я продаю
В их бурные скитанья...
Так, — он сказал, —
всю жизнь мою
Ищу я пропитанья.

Я ж думал не о нём совсем,
Одной мечтой смущённый:
Как красить бороду и чем
В хороший цвет зелёный?
И не успел я расслыхать
Его ответ смиренный —
Тогда его я по лбу хвать:
— Чем ты живёшь,
презренный?

Но кротко продолжал он
речь:
— Ручьёв в горах ищу я,

Когда ж найду —
ручей зажечь
Немедленно спешу я.
Из этой жидкости потом
Готовится помада.
Мне платят пенс...
Но дело в том,
Что мне немного надо.

Но я задумался опять
Упорно и подробно,
Над тем,
как можно толстым стать,
Кормясь дрочёной сдобной.
Я взял за шиворот его
И тряс без остановки:
— Я жду ответа твоего!..
Оставь свои уловки.

И продолжал он свой рассказ:
— В ночи под лунным светом
Ищу в траве я рыбьих глаз
На пуговки к жилетам.
Их продаю я поутру
За цену небольшую:
За девять штук я пенс беру
И этим существую.

Я булок залежи в песках
Ищу и ямы рою
И ставлю западни в кустах
Для рыбок я порою...
Вот, — он сказал, —
чем я богат...
Прибавлю вам без лести,
Что выпить был бы
очень рад
Здоровье вашей чести.

Тут удалось расслышать мне
(Я кончил размышленья),
Как мост, прокипятив в вине,
Спасти от разрушенья.
Ему спасибо я сказал
И за рассказ, и вместе
За то, что выпить он желал
Здоровье моей чести.

С тех пор, когда случайно в клей
Я пальцем попадаю,
Или в башмак, спеша скорей,
Не с той ноги влезаю,
Иль гирей многофунтовой
Я придавлю мизинец свой,
Я плачу в страшном горе.
Мне вспоминается тогда
Старик, пропавший без следа,
Чья голова как лунь седа,
Чья речь журчала как вода,
Чей взор был ясен как звезда,
Глаза горели ярче льда,
Кто тихо восклицал: «Беда», —
Сгибаясь словно от стыда,
Кто говорил не без труда,
Как будто бы во рту еда,
Кто, словно ворон из гнезда,
Зловеще каркал: «Никогда!» —
Храпя как буйвол иногда,
В давно прошедшие года,
Усевшись на заборе.

С последними словами баллады Рыцарь взял опять в руки поводья и повернул своего Белого Коня головой в ту сторону, откуда они приехали.

— Тебе надо пройти всего несколько шагов, спуститься с холма и перебраться через этот ручеёк — и станешь Королевой, — напомнил он Алисе. — Но не уходи, пока я не отъеду. Это недолго. Ты постой

здесь и помаши мне платком, когда я доеду вон до того поворота. Я думаю, это меня подбодрит.

— С удовольствием! И спасибо, что проводили, да ещё так далеко. И за балладу спасибо: она мне очень понравилась.

— Да? — недоверчиво спросил Рыцарь. — Но ты не плакала...

Они попрощались, и Белый Рыцарь медленно двинулся в лес.

— Я думаю, ждать придётся недолго, пока он отъедет, — сказала себе Алиса. — Поехал.Ой, опять упал! И опять головой вниз! Однако довольно легко влез обратно в седло... Это всё оттого, что на его лошади навешено столько вещей.

Упав пять или шесть раз, Рыцарь добрался наконец до поворота, и Алиса, помахав ему платочком, начала спускаться с холма, не переставая думать, что осталось всего лишь перебраться через последний ручеёк — и она Королева. Как это великолепно звучит: шахматная Королева!

— Наконец-то Восьмой ряд! — воскликнула Алиса и прыгнула через ручей.

Очутившись на том берегу, она бросилась передохнуть на траву, мягкую, как мох, и усеянную там и сям маленькими цветочными клумбами.

— Как я рада, что наконец-то добралась. Ай! Что это у меня на голове? — Алиса подняла руки и, ощупав голову, обнаружила что-то очень тяжёлое, тесно, как кольцо, её охватившее.

Оправившись от испуга, она подумала: «Интересно, откуда взялась эта штука? И когда?»

И она сняла тяжёлый предмет с головы и положила себе на колени, чтобы посмотреть, что это, собственно, такое.

Это была деревянная корона.

Королева Алиса

— Ну вот и замечательно! — решила Алиса. — Не думала я, что так скоро сделаюсь Королевой. И вот что я вам скажу, ваше высочество, — Алиса вообще любила читать самой себе нотации, — валяться на траве совсем не подходящее занятие для вас. Королева должна держаться с достоинством. Вам это известно?

Она встала и сделала несколько шажков — сначала очень осторожно, потому что боялась, как бы корона не свалилась с головы. Но мысль, что никто этого не увидит, даже если такое случится, её успокоила.

«Если я действительно шахматная Королева, то со временем привыкну к своему новому статусу», — подумала Алиса, снова усаживаясь на траву.

Она видела уже столько странного, что ничуть не удивилась, когда откуда-то появились обе Королевы, Белая и Красная, и уселись слева и справа от неё. Ей, конечно, было интересно, откуда они взялись, но задавать им вопро-

сы показалось ей не совсем вежливым. Впрочем, спросить, кончилась ли у них игра, наверное, можно.

— Скажите, будьте любезны... — робко начала Алиса, взглянув на Красную Королеву, но та резко её оборвала:

— Будешь говорить, когда тебя спросят!

— Но если бы все придерживались этого правила, — возразила Алиса, будучи всегда не прочь немного поспорить, — то никто никогда не открыл бы рта: все ждали бы, когда к ним обратятся, чтобы заговорить, так ведь и другие тоже бы этого ждали... И что же тогда было бы?

— Смешно! — воскликнула Красная Королева. — Ты вот лучше скажи, по какому праву называешь себя шахматной Королевой. Ты не можешь быть Королевой, пока не сдашь экзамен. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

— Я ведь сказала «если», — попыталась оправдаться бедная Алиса.

Обе Королевы переглянулись, и Красная, пожав плечами, воскликнула:

— Она говорит, что всего лишь сказала «если»...

— Но она сказала гораздо больше, — промолвила Белая Королева, заламывая себе руки. — О, много, много больше.

— Это правда. — Красная Королева повернулась к Алисе. — Говори всегда правду. Подумай, прежде чем сказать, а потом уже напиши.

— Право же, я сказала это не в смысле... — начала Алиса, но Красная Королева раздражённо оборвала её:

— Вот то-то и плохо! Ты должна говорить со смыслом! Какой же толк в девочке, которая лишена всякого смысла? Даже шутка должна иметь смысл, а девочка ведь не шутка. Попробуй опровергнуть это. Хоть обеими руками опровергай, ничего не выйдет.

— Я не опровергаю руками, — возразила Алиса.

— Никто и не говорит, что опровергаешь, — отрезала Красная Королева. — Я сказала: попробуй опровергнуть — ничего не выйдет.

— На неё что-то нашло, — заметила Белая Королева. — Ей хочется спорить и всё отрицать. А что отрицать — она не знает.

— Упрямый, скверный характер, — сказала Красная Королева.

После её слов потянулись минуты натянутого молчания. Первой не выдержала Красная Королева, сказав Белой:

— Я вас приглашаю сегодня на обед, который устраивает Алиса.

Белая Королева слабо улыбнулась:

— А я приглашаю вас.

— Вот уж не знала, что я устраиваю сегодня обед, — удивилась Алиса. — Но если я его действительно устраиваю, то я и должна приглашать гостей.

— У тебя есть такая возможность, — заметила Красная Королева. — Ты, по-видимому, не особенно часто посещала уроки хороших манер.

— Хорошим манерам не обучают на уроках, — возразила Алиса. — На уроках учат арифметике, письму, чтению...

— Что, ты и складывать умеешь? — оживилась Белая Королева. — Тогда скажи, сколько будет — один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один?

— Не знаю, — сказала Алиса, — я сбилась со счету.

— Сложения не знает! — заключила Красная Королева. — А вычитание знаешь? Отними девять от восьми!

— Этому меня не учили, — быстро ответила Алиса, — но...

— Не знает и вычитания, — констатировала Белая Королева. — А деление знаешь? Раздели хлеб ножом, что выйдет?

— Я думаю... — начала было Алиса, но Красная Королева не дала ей даже подумать:

— Бутерброд, конечно. Попробуем другую задачу на вычитание: отними у собаки кость. Что останется?

Алиса принялась размышлять: «Кость, конечно, не останется, если я её отниму. И собака не останется на месте — встанет, чтобы меня укусить... значит, я тоже не останусь — убегу».

— Ничего.

— Значит, по-твоему, ничего? — переспросила Красная Королева.

— Я думаю, что ничего.

— Неверное решение. Как всегда! — торжествующе воскликнула Красная Королева. — Терпение собаки останется.

— Я не совсем понимаю, как...

— Чего ты не понимаешь? — закричала Красная Королева. — Собака потеряет терпение, когда ты будешь отнимать у неё кость, или нет?

— Может быть, и потеряет, — осторожно ответила Алиса.

— Ну, стало быть, когда собака убежит, её терпение останется! — заключила Королева.

— А вы сами-то знаете арифметику? — обратилась вдруг Алиса к Белой Королеве.

Та вздохнула и закрыла глаза.

— Складывать умею, когда меня не торопят, но вычитать — ни при каких обстоятельствах.

— А азбуку ты знаешь? — встряла Красная Королева.

— Конечно, знаю, — ответила Алиса.

— И я тоже, — прошептала Белая Королева. — Мы часто будем повторять её вместе, милочка. И я тебе открою секрет: я умею читать слова, которые состоят из одной буквы. Правда, это замечательно? Но ты не огорчайся. Ты тоже со временем научишься.

— А ответы на полезные вопросы ты знаешь? — никак не унималась Красная Королева. — Как делается хлеб?

— Это я знаю! — оживилась Алиса. — Начинается с муки.

— Ты делаешь неправильное ударение! — перебила её Красная Королева. — Надо говорить не «мукй́», а «му́ки», и «му́ка» начинается не сначала, а когда хлеб сажают в печку.

— Обмахни ей веером голову! — с беспокойством перебила их Красная Королева. — Её бросило в жар, оттого что она так много думала.

Обе Королевы взялись за работу и стали так энергично обмахивать Алису пучками листьев, что она взмолилась, нельзя ли прекратить это, испугавшись остаться без волос.

— Ну вот, вроде оправилась, — удовлетворённо сказала Красная Королева. — Ты знаешь языки? Как по-французски будет «тирли-тирли»?

— «Тирли-тирли» — такого слова нет, — ответила Алиса.

— А кто сказал, что оно есть? — удивилась Красная Королева.

Алисе показалось, что она нашла выход из создавшейся ситуации.

— Если вы мне скажете, на каком языке это «тирли-тирли», — заявила она с вызовом, — я вам тут же переведу его на французский!

Но Красная Королева гордо выпрямилась и произнесла:

— Королевы не вступают в сделки.

«Лучше бы они вопросы не задавали», — подумала Алиса.

— Не будем ссориться, — забеспокоилась Белая Королева. — Ответь на вопрос: отчего происходит молния?

— Молния происходит, — уверенно начала Алиса, потому что это знала твёрдо, — от грома... Нет-нет, я хотела сказать наоборот.

— Поздно исправляться, — назидательно сказала Красная Королева. — Раз что-нибудь произнесла — так оно и должно остаться. А последствия на твоей совести.

— Мне вот вспомнилась гроза, — сказала Белая Королева, опустив глаза и нервно сцепляя и расцепляя пальцы, — гроза, которая прошла у нас в последний вторник. Я имею в виду — один из последних вторников.

Алиса удивилась:

— У нас совсем всё не так. У нас бывает только по одному дню на неделе.

— Ну и ну, — пренебрежительно заметила Красная Королева. — А у нас бывает по два-три дня или ночи за один раз! А иногда зимой мы берём сразу пять ночей — чтоб потеплее было!

— Разве пять ночей теплее, чем одна? — робко поинтересовалась Алиса.

— Естественно, — в пять раз!

— Но, вероятно, и в пять раз холоднее? — заметила Алиса.

— Совершенно верно! — вскричала Красная Королева. — В пять раз теплее и в пять раз холоднее — точно так же, как я в пять раз тебя богаче и в пять раз умнее!

Алиса вздохнула и отступилась: «Всё равно у них ничего не поймёшь. Какие-то загадки без отгадок!»

— Болванчик утром приходил со штопором, — тихо сказала Белая Королева.

— Что ему нужно было? — резко спросила Красная Королева.

— Да гиппопотама искал, но как раз сегодня во всём доме ни одного не было.

— А обыкновенно бывают? — изумилась Алиса.

— Да, только по четвергам.

— Я знаю, зачем на самом деле приходил Болванчик, — сказала Алиса. — Он хотел наказать рыбку за...

Белая Королева, будто её не слышала, начала опять:

— Это была такая гроза — ты не можешь себе представить. Часть крыши провалилась, и в дырку повалил гром — и давай кататься большими кусками по полу. Столы и стулья валятся... Я так испугалась, что не могла вспомнить, как меня зовут.

Алиса подумала, что не стала бы ломать себе голову и вспоминать своё имя в разгар подобного происшествия, но не решилась высказать свою мысль вслух, чтобы не обидеть Белую Королеву.

— Ты должна простить её, — сказала Красная Королева Алисе, нежно поглаживая в своих ладонях руку Белой Королевы. — Она не злая, но не может удержаться, чтобы не говорить глупости. Просто не может по-другому.

Белая Королева робко посмотрела на Алису, и девочка почувствовала, что надо бы сказать что-нибудь любезное, но действительно ничего не могла в этот момент придумать.

— Она, в сущности, не получила хорошего воспитания, — продолжала Красная Королева, — но её добродушие удивляет. Погладь её по голове, и увидишь, как она обрадуется.

Но Алиса как-то не могла отважиться.

— Маленькая любезность — и с нею можно творить чудеса.

Белая Королева глубоко вздохнула и, положив голову на плечо Алисы, простонала:

— Как хочется спать!

— Она устала, бедняжечка! — воскликнула Красная Королева. — Погладь её по головке, одолжи ей свой ночной чепчик и спой колыбельную песенку!

— У меня нет с собой ночного чепчика, — огорчилась Алиса, — я не знаю ни одной колыбельной песенки. Но по голове, конечно, погладить могу.

И девочка нежно провела рукой по голове Белой Королевы.

— Придётся, значит, петь мне самой, — вздохнула Красная Королева и начала:

Королева, баю-бай,
У Алисы засыпай.
Мы до праздника вздремнём
Сладким сном, сладким сном,
А потом на бал пойдём:
Вместе — обе Королевы и Алиса, — все втроём!

Ну, теперь ты знаешь слова... — И она опустила голову на другое плечо Алисы. — Спой эту песенку ещё раз, нам обеим, мне тоже что-то захотелось спать.

Через минуту обе Королевы уже спали и громко храпели.

«Что же делать-то теперь? — подумала Алиса, оказавшись в затруднительном положении. — Не думаю, чтобы кому-нибудь приходилось присматривать сразу за двумя королевами. Во всяком случае, в истории Англии такое впервые, потому что в Англии никогда не было больше одной королевы за один раз».

— Ну и тяжёлые же вы! — теряя терпение, воскликнула девочка. — Да просыпайтесь же! — но ответом ей было только лёгкое посапывание.

Причём храпели Королевы очень мелодично, и вскоре можно было различить некий мотив, а затем и слова. Алиса услышала песенку. Она так внимательно вслушивалась в неё, что даже не заметила, как две тяжёлые круглые головы исчезли с её коленей...

Она оказалась перед сводчатой дверью, над которой красовалась выведенная крупными буквами надпись: «КОРОЛЕВА АЛИСА». По обе стороны двери имелось по звонку. Над одним была прибита табличка «Для гостей», а над другим — «Для прислуги».

«Вот кончится песенка, — подумала Алиса, — и позвоню... Но в какой звонок? Я не гость и не служанка. А третьего звонка — «Для Королевы» — здесь нет.

Но тут дверь вдруг приоткрылась, и какое-то существо с длинным клювом высунуло в щель голову и промолвило:

— Нет никакого приёма до послеследующей недели.

И дверь тотчас же с шумом захлопнулась.

Алиса долго стучала и звонила, пытаясь попасть внутрь, пока к ней не приковыляла очень старая Лягушка, наблюдавшая за ней из-под ближайшего дерева. Вероятно, это был дворецкий, так как он был одет в ярко-жёлтый костюм, а обут в огромные башмаки.

— Ты что безобразничаешь? — глубоким хриплым шёпотом спросил дворецкий-лягушка у Алисы.

Девочка обернулась, вне себя от злости, и сердито выкрикнула:

— Где швейцар? Он что, не знает своих обязанностей? Если звонят в парадную дверь, полагается отвечать на звонок.

— О какой парадной двери ты толкуешь? — протянул дворецкий.

Алиса чуть не топнула ногой. Как можно мямлить и так спокойно относиться к подобным безобразиям?

— Об этой, конечно.

Дворецкий долго смотрел на дверь своими большими мутными глазами, потом подошёл поближе к двери и поскрёб по ней когтем, словно хотел убедиться, не отстаёт ли краска. Наконец, повернувшись к Алисе, сказал:

— Отвечать на звонок? А о чём он спрашивал, звонок-то?

Дворецкий говорил таким хриплым голосом, что Алиса с трудом разбирала его слова, поэтому вынуждена была сказать:

— Я вас не понимаю!

— Так вроде я по-английски говорю, — проворчал дворецкий-лягушка. — Или ты оглохла? Я спрашиваю, о чём звонок спрашивал швейцара?

— Ни о чём! — воскликнула с досадой Алиса. — Говорю вам: я стучала в эту дверь кулаками полчаса, звонила, но мне не открывают.

— Кулаками? Нехорошо... очень нехорошо! — пробормотал дворецкий. — Она на это обижается, ты разве не понимаешь? — С этими словами он подошёл к двери и изо всех сил пнул её своим огромным сапогом.

— Пусти дверь. Ты пустишь её — и она тебя пустит. — И он заковылял к своему месту под деревом.

В ту же минуту дверь широко распахнулась, и Алиса услышала чей-то тоненький-тоненький голосок:

В Зазеркалье, в Зазеркалье
так Алиса говорит:
— Я в короне королевской,
скипетр мой в руках горит.
Всех причудливых созданий,
Зазеркалья странный мир,
Королевы и Алиса созывают
к ним на пир!

И десятки голосов подхватили припев:

Наполняйте же стаканы
и кладите поскорей
Медных пуговиц на блюда,
в кофе — жареных мышей.
Поспешите, поспешите
все с приветствием своим:

Трижды тридцать раз Алисе
все мы славу прокричим!

Раздался смутный гул поздравлений, и Алиса подумала: «Трижды тридцать раз — это девяносто. Неужели кто-нибудь считает?»

На минуту воцарилось молчание, и потом тоненький голос затянул второй куплет:

— О, созданья Зазеркалья, — так Алиса говорит, —
Подходите и любуйтесь: честь для вас один мой вид.
Видеть, слышать Королеву — наслажденье вам даёт:
А обедать вместе с нами и пить чай — большой почёт!

И опять вступил хор:

Наполняйте же стаканы
поскорее, кто чем рад:
Шерсть в вино вы подбавляйте
и чернила в лимонад.
Наполняйте же стаканы
усладительным питьём —
Девять раз по девяносто
все мы славу пропоём!

— Девять раз по девяносто, — повторила Алиса в отчаянии. — О, это совершенно невозможно. Они никогда не закончат. Лучше я войду сейчас.

И она сделала шаг вперёд, но в ту же минуту наступила мёртвая тишина.

Алиса беспокойно посмотрела на стол, когда вошла в большой зал, и увидела сидящих за ним гостей: душ пятьдесят всякого рода — и животных, и птиц, и насекомых, и даже цветов.

«Это хорошо, что они пришли, не дожидаясь приглашения, — подумала Алиса. — Я бы никогда не разобралась, кого из них надо было позвать, а кого — нет».

У верхнего конца стола стояло три кресла. Два из них, по бокам стола, уже занимали Красная и Белая Королевы, но третье, посередине, оставалось свободным. Алиса опустилась в него. Ей было немножко не по себе в этой мёртвой тишине: хоть бы кто-нибудь заговорил поскорее.

Наконец Красная Королева открыла рот:

— Ты пропустила суп и рыбу. Дайте ей окорок.

И слуги поставили перед Алисой блюдо с большой бараньей ногой. Новоиспечённая Королева смотрела на неё и не знала, как за неё взяться: ей никогда ещё не доводилось резать окорок.

— Ты, кажется, робеешь? — заметила Красная Королева. — Позволь мне познакомить тебя с этим окороком: Алиса — Баранья Нога. Баранья Нога — Алиса.

Баранья Нога поднялась на блюде и поклонилась Алисе. Та ответила на поклон, но не знала, как ей быть: испугаться или засмеяться.

— Можно вам положить по кусочку? — спросила Алиса, взяв нож и вилку и переводя взор с одной Королевы на другую. — Я сейчас срежу кожу...

— Конечно, нет, — твёрдо заявила Красная Королева. — У тебя что, такая привычка — бросаться с ножом на того, кого тебе только что представили? Уберите окорок.

И слуги сейчас же убрали блюдо с Бараньей Ногой и поставили перед Алисой тарелку с пудингом.

— Пожалуйста, не знакомьте меня с ним, — быстро сказала Алиса, — а то я останусь совсем без обеда.

Но Красная Королева угрюмо посмотрела на неё и пробормотала:

— Пудинг — Алиса. Алиса — Пудинг.

И слуги убрали блюдо из-под её носа так быстро, что Алиса даже не успела ответить на поклон Пудинга. Это её возмутило: «Почему это только Красная Королева здесь распоряжаетя?» — и в виде эксперимента она приказала:

— Официант, принесите Пудинг обратно!

Указанное блюдо мгновенно очутилось перед ней, как будто из стола выросло, но Пудинг стал таким огромным, что у неё от робости чуть не выскочило сердце, когда она взялась за нож. Тем не менее она кое-как справилась со своим волнением, отрезала от Пудинга кусок и положила на тарелку перед Красной Королевой.

— Какое нахальство! — возмутился Пудинг. — Интересно, тебе понравилось бы, если б отрезали кусок от тебя!

Он говорил густым, жирным голосом. Алиса не нашлась что ответить и лишь молча вздыхала, глядя на него.

— Довольно глупо, — заметила Красная Королева, — предоставить вести беседу за столом только Пудингу.

— Знаете, — начала Алиса, — я столько выслушала сегодня стихов...

Как только она открыла рот, наступила мёртвая тишина и глаза всех гостей уставились на неё.

— И как странно... Все эти стихи были так или иначе о рыбах... Почему здесь так интересуются рыбами? Вы не знаете?

Эти слова Алиса адресовала Красной Королеве, и та, приблизив губы к самому её уху, прошептала:

— Кстати о рыбах... Белая Королева знает замечательную загадку в стихах насчёт рыб. Хочешь услышать?

— Красная Королева, — проворковала между тем ей в другое ухо Белая Королева, — очень любезна. Так что, прочесть?

— Да, пожалуйста! — учтиво ответила Алиса.

Белая Королева даже засмеялась от удовольствия и, погладив Алису по щеке, начала:

Рыбу надо, во-первых, словить —
Это просто: поймать её может и малый ребёнок.
Во-вторых, надо рыбу купить —
Это просто: за пенни — в любой из соседних лавчонок.
В-третьих, рыбу должны вы сварить —
Это просто: в минуту так сварим, что чудо.

И, в-четвёртых, на блюдо сложить —
Это просто: смотрите — она уж попала на блюдо.
В-пятых, мне её надо подать —
Это просто: на стол лишь поставить готовое блюдо.
И, в-шестых, надо крышку поднять...
Ах, вот это труднее: её не поднимешь оттуда.
Крышка к блюду пристала как клей,
Из-под крышки никак не достать этой рыбы...
Отвечайте же мне: что скорей —
Эту крышку открыть
Или смысл здесь открыть вы могли бы?

— Ты сначала минуту подумай, — предложила Красная Королева, — а потом угадай. А мы пока выпьем за твоё здоровье. — Она поднялась из-за стола и крикнула что есть мочи: — Здоровье Королевы Алисы!

И все принялись сейчас же пить, но очень странным образом: одни поставили себе перевёрнутые бокалы на голову и ловили языком то, что стекало по лицу; другие, опрокинув графин, пили вино, стекавшее с края стола; третьи (похожие на кенгуру), вскочив на блюдо с жареной бараниной, начали быстро лакать соус.

«Совсем как свиньи в корыте», — подумала Алиса.

— Ты должна поблагодарить гостей, — шепнула Алисе Красная Королева. — Произнеси небольшую речь и предложи какой-нибудь любезный тост.

— А мы тебя поддержим, не беспокойся, — добавила Белая Королева.

— Спасибо, конечно, — шепнула в ответ Алиса. — Но я обойдусь и без поддержки.

— Молчи! — шикнула на неё Красная Королева. — Мы всегда поддерживаем оратора, если он принадлежит к нашей партии.

И обе Королевы упёрлись ей с обеих сторон в бока и сжали так сильно, что чуть не выдавили из неё весь воздух.

— Я поднялась, чтобы поблагодарить всех вас... — начала Алиса, действительно поднявшись в этот момент — так сжали её Королевы. Ей даже пришлось ухватиться руками за край стола, чтобы не упасть.

— Берегись! — закричала вдруг Белая Королева, схватив обеими руками Алису за волосы. — Сейчас что-то случится!

И действительно началось что-то невообразимое. Свечи вдруг выросли до самого потолка и стали похожи на целую клумбу камышей с фейерверками вместо цветков наверху. Каждая бутылка спешно вооружилась двумя тарелками и сделала себе из них крылья, а вилки сделались у них ногами, и они разбежались вприпрыжку во все стороны, как большие птицы.

В эту минуту слева рядом с Алисой раздался хриплый смех. Она обернулась, чтобы посмотреть, что случилось с Белой Королевой, но вместо неё увидела в её кресле Баранью Ногу.

— Я здесь! — раздался голос из суповой миски, и Алиса, обернувшись, опять увидела улыбавшееся ей широкое

добродушное лицо Белой Королевы. Через секунду она нырнула и скрылась в супе.

Нельзя было терять ни минуты. Многие гости лежали уже на блюдах, а суповая ложка направлялась по столу к Алисе и грозно кивала, чтобы та посторонилась.

— Я не могу больше на это смотреть! — воскликнула Алиса, отскочила и взялась обеими руками за скатерть. Одна минута — и тарелки, блюда, гости и свечи образовали на полу одну большую кучу.

— А что касается вас... — Алиса обернулась к Красной Королеве, которую считала виновницей всех этих неприятностей, но той уже не было на прежнем месте: она сократилась вдруг до размера маленькой куколки и весело бегала теперь по столу, пытаясь схватить конец своей собственной шали, которая волочилась за нею.

В другое время это удивило бы Алису, но сейчас она была чересчур возбуждена, чтобы ещё чему бы то ни было удивляться.

— Что же касается вас, — повторила Алиса, схватив это маленькое существо как раз тогда, когда оно перепрыгивало через стоящую на столе бутылку, — вас я просто схвачу, как котёнка, и буду трясти!

Алиса сняла её со стола и начала трясти изо всех сил. Красная Королева нисколько не сопротивлялась, только лицо её стало всё уменьшаться, а глаза сделались большими и зелёными. Алиса же продолжала трясти её — вверх-вниз-вправо-влево-сильнее-слабее-кругом, — и Королева у неё в руках становилась всё меньше — и толще — и мягче — и круглее — и...

...и вдруг оказалось,
что это просто
котёнок!

Кому это снилось

— Ваше величество, не мурлычьте так громко, — попросила Алиса, протирая глаза и обращаясь к котёнку почтительно, но строго. — Вы разбудили меня. А мне снился такой... ах, такой прелестный сон. И ты была со мной, Китти, всё время, пока я находилась в Зазеркалье. Ты это знаешь?

У котят есть очень неудобная привычка (Алиса и раньше это замечала): с чем бы вы к ним ни обратились, они только мурлычат. Неужели нельзя мурлыкать, скажем, вместо «да» и мяукать — вместо «нет», ну или как-нибудь там иначе. Можно было бы с ними разговаривать. А как разговаривать с особой, которая отвечает вам всегда одно и то же?

Котёнок только замурлыкал и на эти слова Алисы, и совершенно невозможно было догадаться, что, собственно,

хотел он сказать — «да» или «нет»?

Алиса покопалась в шахматных фигурах на столе и нашла Красную Королеву. С шахматной фигурой в одной руке и с котёнком — в другой Алиса села на коврик перед камином и, повертев Королевой перед носом котёнка, воскликнула, с торжеством:

— Ну, Китти, признайся теперь, что это ты была Красной Королевой.

— Но Китти даже не взглянула на неё, — рассказывала потом Алиса своей сестре. — Она отвернулась и притворилась, что даже её не видит. Но выглядела при этом она немного смущённо. Так что, скорее всего, она и была Красной Королевой.

— Ну посиди, милочка, минуту прямо... И делай реверансы, пока ты не придумаешь, что отв... что промурлыкать. Это сберегает время — помнишь?

И Алиса подняла Китти и поцеловала за то, что она была королевой.

— Снежинка, моя хорошая, — посмотрела Алиса на белого котёнка, всё ещё терпеливо подвергавшегося операции облизывания. — Когда же Дина кончит мучить тебя? Вот почему ты была такой замарашкой в моём сне. Дина! Ты знаешь, что облизываешь Белую Королеву? Очень непочтительно с твоей стороны.

«Интересно, а во что же превратилась Дина?» — размышляла Алиса, удобнее устраиваясь на коврике.

— Скажи, Дина, это не ты была Болванчиком? Ты? Кстати, Китти, если со мной в моём сне действительно была ты, то кое-что тебе там наверняка очень понравилось... Я столько стихов там наслушалась, и всё про рыбу.

Завтра утром мы устроим настоящее представление. Во время завтрака я прочту вам поэму «Плотник и Тюлень», и вы сможете представить, что едите устриц.

Алиса немного помолчала и снова заговорила с Китти:

— Чей же это всё-таки был сон? Это очень серьёзный вопрос, и нечего лизать лапку, словно Дина и не умывала тебя сегодня утром. Понимаешь, это ведь был или мой сон, или Красного Короля. Он был частью моего сна, конечно, но ведь тогда и я была частью его сна. Как ты думаешь, это был сон Красного Короля? Ты была его женой, так что должна знать. Ну, Китти, скажи же... Подождёт твоя лапка!

Но Китти, закончив облизывать одну лапку, немедленно принялась за другую и притворилась, будто не слышала вопроса вовсе.

А вы как думаете, чей же всё-таки это был сон?

Июльский вечер на реке,
Скользим мы в лёгком челноке,
Горят заката краски.
Как любо детям, вижу я,
Внимать, дыханье затая,
Словам волшебной сказки.
Закат тот отсиял давно,
Всё отзвучало, всё темно,
Июль убит морозом...
Но часто вижу я тайком
Алису в странном мире том,
Доступном только грёзам.
И вновь мы по реке скользим...
И вновь вниманьем молодым
Зажглись детишек глазки...
Они готовы — вижу я —
Внимать, дыханье затая,
Словам волшебной сказки.
Мы все в Стране Чудес живём —
В мечтах, в прекрасном сне своём...
Дни гаснут: вянет лето...
Мы ж все плывём в потоке том,
В сиянье медля золотом...
Но жизнь — не сон ли это?

Содержание

Дом в зеркале 5
Сад живых цветов 19
Насекомые в Зазеркалье 32
Твидлдум и Твидлди 46
Шерсть и вода 61
Болванчик 75
Лев и Единорог 89
«Это моё собственное изобретение» 100
Королева Алиса 118
Тряска 137
Пробуждение 138
Кому это снилось 139

О жизни и творчестве художника вы можете узнать на сайте http://www.libicomaraja.it

Кэрролл, Льюис.

К98 Алиса в Зазеркалье : [пер. с англ.] / Льюис Кэрролл ; ил. Либико Марайя. — Москва : Эксмо, 2018. — 144 с. : ил. — (Иллюстрации из детства).

УДК 821.111-34-053.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-73922-6

Original artwork © Libico Maraja Association, 2015
Use without permission is strictly prohibited.
© Т. Щепкина-Куперник. Перевод с англ., 2015
© Перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Исключительные права на данное издание принадлежат издательству «Эксмо».
Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

әдеби-көркемдік баспа
орта мектеп жасындағы балаларға арналған

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ ДЕТСТВА

Льюис Кэрролл

АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

(орыс тілінде)

Художник Либико Марайя

Перевод В. Ашкенази
Перевод стихов Т. Щепкиной-Куперник

Руководитель проекта *Л. Кондрашова*. Ответственный редактор *Е. Ананьева*
Литературный редактор *Н. Хасаия*. Художественное оформление серии *И. Саукова*
Компьютерная графика *А. Алексеев*. Технический редактор *О. Кистерская*
Корректор *О. Степанова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 06.10.2017.
Формат 84x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ 7079.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-699-73922-6

6+

ISBN 978-5-699-73922-6

www.vk.com/eksmo_kids

SCAN IT!
1184044622
в приложении OZON.ru